Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ 8 (17)

ISSN 2255–9035

Rīga 2018

УДК 281.9 (4)(051)
П 685

Pravoslavije v Baltiji (Pareizticība Baltijā), Nr. 8 (17)
Zinātniski analītisks žurnāls
Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2018, 246 lpp.

Православие в Балтии, № 8 (17)
Научно-аналитический журнал
Rīga, LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2018, 246 lpp.

Главный редактор:
Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:
Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)
Шор Татьяна, Dr. phil. (Эстония)
Пермяков Виталий, Dr. theol. (США)
Миронович Антони, Dr. hab. hist. (Польша)
Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)
Круминя-Конькова Солвейга, Dr. phil. (Латвия)
протоиерей Александр Берташ, кандидат богословия, кандидат искусствоведения, научный сотрудник СПбГУ (Германия, Россия)
Богоявленская Светлана, Dr. hist. (Германия)
Пазухина Надежда, Dr. art. (Латвия)

Секретарь редакционного совета:
Андрей Гусаченко(Латвия)

Редактор-корректор: Житарева Марина
Компьютерная верстка: Кулис Марис

Publicēts saskaņā ar LU Filozofijas un socioloģijas institūta Zinātniskas Padomes 2017. gada 2. oktobra lēmumu.

Izdevums sagatavots par Latvijas Universitātes Akadēmiskās attīstības projekta AAP 2018/39 (Y5-AZ200-ZF-N-905) līdzekļiem.

Все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования и утверждения редакционным советом.

Редакция не отвечает за точку зрения авторов статей, за опубликованные авторами материалы. Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции. Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются. Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке: Супральский Благовещенский православный монастырь (Восточная Польша). 16, 17, 18, 19 вв., 80 гг. 20 века. Фотография 2017 года.

Pravoslavie v Baltii (The Orthodoxy in the Baltics), Nr 8 (17)
Scientific-analytical journal
Riga, University of Latvia, Institute of Philosophy and Sociology, 2018, 246 p.

General Editor:
Alexander Gavrilin, Dr. hist., Associate Professor (Latvia)

Editorial Board:
Evgeniya Nazarova, Dr. hist. (Russia)
Tatiana Shor, Dr. phil. (Estonia)
Permyakov Vitaly, Dr. theol. (U.S.A.)
Antoni Mironowicz, Dr. hab. hist. (Poland)
John (Berzins) Bishop of Caracass and South America (Argentina)
Solveiga Krumina-Konkova, Dr. phil. (Latvia)
Alexander Bertash, archpriest, Dr. Art, Dr. Theol. (Germany, Russia)
Svetlana Bogoyavlenskaya, Dr. hist. (Germany)
Pazuhina Nadezhda, Dr. art. (Latvia)

Editorial Board Secretary:
Andrejs Gusachenko (Latvia)

Literary editor: Marina Zhitareva
Layout: Maris Kulis

Pravoslavie v Baltii is a double-blind peer reviewed periodical with international editorial board. The aim of the magazine is to reflect the history of the church in the Baltic region in an objective manner. The publication does not have denominational restrictions, and it is not controlled by spiritual or secular censorship. It is published at least once a year in Russian and English.

Published materials cannot be reproduced without permission from the editor or editorial board.

© Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, 2018
© Aleksandrs Gavriļins, 2018
© Rakstu autori

ISSN 2255–9035

Содержание / Contents

Предисловие / Introduction 7

Научные статьи / Scientific articles

Антони Миронович (Польша)
Antoni Mironowicz (Poland)
Супрасльский монастырь в конце XV – середине XVI в. как религиозный и культурный центр 13
Suprasl monastery at the end of the XV – the middle of the XVI century as a religious and cultural center

Протоиерей Александр Берташ (Германия-Россия)
Archpriest Alexander Bertash (Germany-Russia)
Православное церковное строительство в Лифляндской губернии второй половины 1840-х–1860-х гг. и архитектор Н. Е. Ефимов 35
Architect N. E. Efimov and the Orthodox church building trends in the governorate of Livland in the 1840-1860's

Михаил Шкаровский (Россия)
Mikhail Shkarovsky (Russia)
Спасо-Преображенский Валаамский монастырь на территории Финляндии в 1940-е годы 69
Valaam Monastery of the Transfiguration of the Saviour in Finland in 1940ies

Александр Гаврилин (Латвия)
Alexander Gavrilin (Latvia)
Газета «Tēvija» о религии и Церкви на территории Латвии в 1941-1945 гг. 81
Newspaper «Tēvija» about the Church and religion in Latvia in 1941-1945

Анатолий Кинстлер (Германия)
Anatoly Kinstler (Germany)
Православная Миссия протоиерея Александра Черная в Гессен-Нассау. 95
Orthodox Mission of the Archpriest Alexander Chernay in Hessen Nassau

Сергей Мянник (Эстония)
Sergey Mannik (Estonia)
Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус) 123
Metropolitan of Tallinn and All Estonia Alexander (Paulus)

Регина Лауакайтите (Литва)
Regina Laukaityte (Lithuania)
Репрессии против духовенства Литовской
православной епархии в период сталинизма 149
The persecution of the Clergy of Lithuania's
Orthodox Diocese in the years of Stalinism

Мемуары / Memoirs

Воспоминания протоиерея Владимира Блазмы 165
Memoirs of the archpriest Vladimir Blazma

Публикация документов / Document publications

Латвийская епархия в 1945 году 203
The Orthodox Diocese of Latvia in 1945

Первый собор епископов Балтии. Об идее сотрудничества
православных церквей Финляндии, Эстонии и Латвии (1937–1939) 231
The First Congress of the Orthodox Bishops in Baltic States About
the Idea of cooperation of the Baltic Orthodox Churches in 1937-1939

Воспоминания протоиерея Владимира Блазмы

Memoirs of the priest Vladimir Blazma*

В рамках рубрики «Мемуары» предлагаем вниманию читателей воспоминания протоиерея Владимира Феликсовича Блазмы. Владимир Блазма родился 2 августа 1910 года в городе Лохвица Полтавской губернии, в семье юриста, выходца из Латвии. В 1922 году семья переехала в Латвийскую республику, где Владимир окончил Рижскую русскую гимназию и юридический факультет Латвийского университета. В 1947 году Владимир Блазма был рукоположён во пресвитера. Служил в храмах Вентспилса, Риги и Юрмалы. В 1952 году о. Владимир экстерном окончил Ленинградскую Духовную Академию. Труды о. Владимира были отмечены многими наградами: крестом с украшениями, Патриаршей грамотой и орденом святого князя Владимира III степени. Скончался о. Владимир в Великий Понедельник, 4 апреля 1977 года.[1]

Воспоминания о. Владимира не являются «привычными» мемуарами священнослужителей, как правило, описывающими их биографию и пастырский путь. Владимир Феликсович излагает события своей жизни под иным углом – это воспоминания интеллигентного, образованного мирянина, причём даже без акцента на духовные переживания и воцерковление с последующим рукоположением. Состоящие из четырёх частей, мемуары охватывают детство, юность и зрелый возраст Владимира Блазмы. О. Владимир описывает широкий спектр исторических событий, начиная с Первой мировой войны и революции (с точки зрения жителя провинциального города), а также систему начального, среднего и высшего образования, структуру правоохранительной системы и быт семьи среднего чиновника Латвийской республики. Во второй части воспоминаний отражены переломные моменты 40-х годов XX века: оккупация Латвии, Вторая мировая война, послевоенный период и различные аспекты жизни среднестатического рижанина. Весьма примечательна гражданская позиция автора: критикуя советский режим, о. Владимир нелестно отзывается и о национальной политике К. Улманиса, хоть и называет 30-е годы «светлым и незабываемым сном» своей жизни. Критический подход к описанию политических событий является несомненным преимуществом автора, снижающим фактор субъективности, неизбежной для мемуаров как исторического источника.

* The publication has been written within the framework of the financial project of the University of Latvia «Letonika, Diaspora and Intercultural Communication», as well as within its subproject «Territory of Latvia as the Zone of Communication of Various Cultures, Religions, Political and Social Interests from the Prehistoric Times till Nowadays.» Project Nr. AAP2016/B060

Воспоминания написаны в весьма преклонном возрасте (64 года), однако это не отразилось на их содержании и хронологической последовательности благодаря изумительной памяти автора. Очевидно, именно возраст и увольнение за штат по болезни стали основными причинами открытой и резкой критики советского режима, в рамках которой автор приоткрывает занавес фабрикации политических дел 1940-41 гг. Судя по содержанию, опечаткам и другим техническим особенностям материала, воспоминания были написаны собственноручно, для чтения в семейном кругу. Возможно, по этой причине автор не вдаётся в описание личных духовных переживаний, направивших его на путь воцерковления и последующего рукоположения, лаконично замечая: «Я никогда не был убеждённым неверующим, но никогда и не задумывался над этими вопросами, никогда не молился. А тут, в критический момент моей жизни, вспомнил о Боге.» К сожалению, о. Владимир практически не описывает свой 27-летний пастырский путь, ссылаясь на сравнительную свежесть событий, которые, на его взгляд, не представляли интереса для членов семьи, но какими интересными они были бы для последующих поколений!

Помимо исторической ценности мемуары о. Владимира являются несомненным назиданием о неисповедимых путях Господних и Его промысле о каждом из нас, грешных.

Детство. Украина

Родился я 2 августа 1910 года в городе Лохвице*, бывшей Полтавской губернии. Теперь, кажется, это районный центр, а тогда был маленький уездный городок без особых достопримечательностей. Само название «лохвица» происходит, очевидно, от украинского слова «льох», что значит пещера, провал или т.п. В самом деле, Лохвица находится в довольно глубокой впадине, среди окружающих её холмов, и изобилует пещерами в окрестности. Открывались там в пещерах и подземные ходы, как говорят, времён гетманства и казачества, но подробнее об этом не знаю. В городе была одна главная улица, гордо называвшаяся «Центральный бульвар». Одним концом она уходила в поле (впрочем, там, в конце, эта улица, кажется, называлась иначе), а другим концом доходила до реки Сухая Лохвица, за которой уже продолжалась и тоже уходила в поле под другим названием. Центральный бульвар пересекался несколькими переулками, один из которых выходил на базарную или соборную площадь, посреди которой возвышался собор Рождества Пресвятой Богородицы, где я и крещён. Ещё один переулок – побольше других – тянулся далеко за город и в свою очередь пересекался, кажется, единственной улицей под названием Сенчанская (от села Сенча, которое находилось за несколько километров от города).

На этой улице находился дом нотариуса Скрябина, где проживали мои родители и где родился я. Номеров дома не имели, так как каждый житель знал всех остальных и мог всегда указать дорогу постороннему человеку. В городе было 5 или 6 церквей и синагога (евреи составляли значительную часть населения). Было реальное училище (в очень хорошем здании), коммерческое училище, тоже неплохое, епархиальное

* Ло́хвица (укр. Ло́хвиця) город, административный центр Лохвицкого района, Полтавская область, Украина. Является административным центром Лохвицкого городского совета, в который, кроме того, входит село Криница. http://ru.wikipedia.org/wiki/Лохвица

училище (для девочек), а вот насчёт женской гимназии – не помню. Был большой кожевенный завод и очень значительная махорочная фабрика Дунаевского (дяди знаменитого композитора, с братом которого я учился в одном классе)*. Был единственный кинематограф – своего рода сенсация нашего города, так как электричества у нас тогда не было (его устроили только в годы советской власти), и кинематограф добывал себе энергию при помощи нефтяного движка, который находился в погребе и распространял дым и зловоние, но всё же был предметом особого интереса для нас, мальчишек. Такова, вкратце, географическая сторона нашего города. Дальнейшие подробности, может быть, ещё приведу по ходу описания моего детства.

Отец мой, Феликс Карлович Блюм, был судебным следователем 2-го участка Лохвицкого уезда. По происхождению он латыш, но латышским языком он полностью так и не овладел до самой смерти, так как как учился в Псковской гимназии, затем в Петербургском университете, юридический факультет которого он окончил как раз во время беспорядков 1905 года, и всё время жил и служил в России. Его отец, которого, я, кажется, даже не застал в живых, был частным поверенным или просто ходатаем по делам во Пскове, где имел собственный дом. Когда братья моего отца (их было два) умерли, а затем скончался и их отец, мать их продала дом и переехала жить к нам в Лохвицу, она так и называлась у нас «Лохвицкая бабушка», в отличие от «Лубенской бабушки» – по моей матери.

Мать моя Ольга Ивановна, урожденная Соколова, дочь ротного командира Псковского кадетского корпуса. Затем он вышел в отставку в чине генерал-майора и поселился в городе Лубны Полтавской губ., где выстроил свой дом с флигелем. Как говорила мне моя тетушка (сестра матери), тот дом сохранился и после гитлеровской войны и стоит до сих пор. Как хотелось бы его посмотреть!

Интересная маленькая подробность: дедушка, выйдя на пенсию и проживая в Лубнах, стал церковным старостой в церкви, находившейся прямо против его дома. Казалось бы, должность совсем спокойная и почётная, но он находил там много поводов для волнения по этой должности, что в конце концов врач запретил ему это занятие. Жил он после этого ещё очень долго и скончался в возрасте около 80 лет в Ленинграде, когда мы жили уже в Латвии.

Моя «Лубенская бабушка» – Варвара Васильевна Тилижинская – родом из украинской духовной семьи. Подробностей я не знаю. Так как мои предки, как видно из рассказанного, особенной знатностью не отличались, я мало вникал в их родословную.

Кроме меня у нас в семье был мой старший брат Георгий**, старше меня на 4 года, ныне скончавшийся (3 года назад) в Австралии.

Мы с ним никогда особенно близки не были, так как четыре года для мальчиков значительная разница, да и жить нам приходилось порознь: он главным образом находился в Лубнах, а я тем бывал только отдельными краткими периодами. Расстo-

* Дунаевский Исаак Осипович (18.01.1900 – 25.07.1955) – советский композитор и дирижёр, музыкальный педагог. Автор 11 оперетт и 4 балетов, музыки к нескольким десяткам кинофильмов, множества популярных советских песен, народный артист РСФСР, лауреат двух Сталинских премий. Депутат Верховного Совета РСФСР 1-го созыва. http://ru.wikipedia.org/wiki/Дунаевский,_Исаак_Осипович

** Блюм Георгий Феликсович (23.11.1906 – 02.05.1970), основатель рижской русской студенческой корпорации Ruthenia. В 1944 г. эмигрировал с семьёй в Австралию.

Члены русской студенческой корпорации Fraternitas Arctica в 1926 г. С тростью брат автора воспоминаний, Георгий Феликсович Блюм. (Фото из архива Fraternitas Arctica)

яние от Лохвицы до Лубен – около 40 км. И позже, уже в Латвии, наши жизненные дороги пролегали различно: произошла у нас с ним однажды крупная ссора, в результате которой мы с ним, живя в одной квартире (это было ещё до моей женитьбы), не разговаривали больше двух лет. Через несколько лет наши отношения несколько улучшились, но он жил около города Мадоны, где был начальником радиостанции, и мы встречались редко, а после его отъезда за границу мы даже не переписывались.

Нашей первой квартиры в доме Скрябина я совсем не помню, – очевидно, вскоре после моего рождения мы переехали на упомянутый выше Центральный бульвар, в самое «шикарное» его место. Дом был двухэтажный, что в Лохвице было редкостью. Внизу находилась пекарня и хлебный магазин еврея Долцигера (или в этом роде) и его квартира, а весь верх занимали мы. Помню, как я ходил через чёрный ход по лестнице в подвал, где находилась пекарня, и брал горячие бублики к завтраку. Там же мы брали и мацу*, которую я очень любил.

* Маца́ – лепёшки из теста, не прошедшего сбраживание, разрешённого к употреблению в течение еврейского праздника Песах (в отличие от «квасного», запрещённого в этот праздник). http://ru.wikipedia.org/wiki/Маца

Квартира была большая, сколько комнат – точно не помню, но не меньше 7 или 8. Там же находилась и камера (служебный кабинет) моего отца. Огромная угловая комната со множеством окон и с камином служила одновременно столовой и гостиной. Дальше, по обе стороны длинного коридора, шли жилые комнаты: наша детская, спальня родителей, еще какие-то комнаты, в одной из которых жила наша лохвицкая бабушка, уже тогда довольно немощная и малоподвижная. По-русски она говорила плоховато, но мы её понимали.

Вспоминаю большие праздничные обеды (вернее, столы, которые не убирались несколько дней) на Пасху и Рождество, когда обилие еды, питья и визитёров поражали мой детский взор. Бывали у нас гости и в другое время – чаще всего братья Дунаевские, жившие прямо против нас.

Один из них (кажется, именно композитор) играл на рояле, другой на скрипке; какая-то дама или девица пела, кто-то декламировал, – словом, создавались домашние концерты. Я ими, конечно, мало интересовался.

Ещё о Дунаевских. Отца их я не помню, очевидно, его уже не было в живых, и они жили у своего дяди, которому кроме хорошего каменного дома принадлежала большая махорочная фабрика. Кроме упо-

мянутых двух старших братьев, были ещё два – с одним из них, Абрамом, я учился в одном классе, а другой, самый младший, запомнился тем, что он однажды достал из стола своего дяди револьвер и случайно застрелил свою родную сестру.

Помню ещё, как в начале Первой мировой войны через наш город проходил казачий полк. Это произвело на меня сильное впечатление, что под влиянием его я написал одно из своих первых произведений – вроде очерка о казаках; кажется, оно ещё сохранилось.

Учиться я начал рано. Так как в реальное училище принимали только с 8 или даже 9 лет, то меня определили в подготовительный класс коммерческого училища. Помню, как готовясь к вступительным экзаменам, я, лежа на диване дома, зубрил таблицу умножения. Плохо она мне давалось, а математических способностей у меня никогда не было и в дальнейшем, несмотря на то, что моя мать хорошо знала и любила математику (вообще она была одарённой и окончила гимназию с золотой медалью – мне далеко до этого). Этот подготовительный класс я окончил, получил свидетельство, и это единственный мой документ об образовании в России

Война приближалась и к нашему захолустью. В городе был устроен лазарет, и моя мать принимала деятельное участие в его работе. Дамы-патронессы шили у нас дома бельё для раненых; во дворе нашего дома в обширных амбарах (по местному – «коморах») находился склад всякого инвентаря и продуктов. В частности, там находились большие рогожные тюки с вяленой воблой. Не в то время, а несколько позже, когда лазарет уже эвакуировался, а эта вобла почему-то осталась, мы, мальчишки, очень охотно и усердно пожирали её. Правда, с другого конца тюка нам не менее усердно помогали крысы, но хватало на всех.

Потом пришли к нам немцы*. Это были не такие немцы, как мне довелось потом видеть в годы оккупации Латвии гитлеровским войсками. Тогда это были дисциплинированные воинские части, главным образом, люди пожилые и очень добродушные. Очевидно, это были тыловые части, так как сражений с немцами в ближайшей окрестности не было. Помню, как в нашем саду мы, ребята, устроили себе на дереве маленькую площадку и часто сидели на ней и пили ячменный кофе, которым нас всегда снабжали немцы, их полевая кухня находилась здесь же во дворе.

Правда, через некоторое время мои добрые отношения с немцами были нарушены. У меня была любимая собака, чистокровная японская такса по кличке Ами. Она была очень привязана ко мне и даже спала вместе со мной на кровати под одеялом. И вот в один прекрасный день собака пропала. Украсть её могли, конечно, только немцы, так как они всегда были любителями именно такс, а другому никому такая собачонка не нужна была, да и она возвратилась бы домой. С той поры я невзлюбил немцев.

Дальше события шли бурно и разнообразно. Началась революция.** Прямо против нашего дома находился полицейский участок, и я видел, как там сжигали различные бумаги и дела. Вспоминаю и митинги на соборной площади и ещё где-то в городе, мальчишкам всё это было любопытно, и они составляли значительную часть посетителей митингов. Конечно, смысл произносимых речей мало кто понимал, а ещё меньше интересовался ими, – это, очевидно, бывает так и до сих пор: митин-

* Полтавская губерния была оккупирована австро-германскими войсками в марте-апреле 1918 г.

** Очевидно, речь идёт не о революции, а об установлении советской власти в ноябре 1918 г. после капитуляции Германии и Австро-Венгрии.

говые речи нужны тем, кто их произносит, а не тем, кто слушает.

Чем дальше, тем больше событий и перемен происходило в нашем тихом городке. Побывали у нас и белые, и красные, и петлюровцы, и махновцы*. Отца моего арестовали, как заложника, очевидно, красные, затем кто-то и почему-то его выпустил, и тогда он, не дожидаясь дальнейшего, ночью ушёл из города вместе с одним знакомым, и дальше след его пропал. Как выяснилось позже, он попал в Витебск, где был даже начальником милиции (?!), потом попал к белым, с ними вместе отступал до Крыма, а оттуда обычным путем эмигрантов – через Турцию в Югославию.

Мы с мамой и братом остались одни. Большую квартиру, конечно, пришлось оставить и перебраться в другую – маленький домик за рвом. Здесь уже мои воспоминания принимают более систематический характер. Мама зарабатывала шитьём, брат переехал в Лубны, где дядя и тётя (мамина сестра Шура и её муж) развили широкую кустарную промышленность: варили мыло и сапожную мазь, делали спички, ножи и другие мелочи, на которые тогда был большой спрос. Брат им помогал, а я в отдельные мои поездки в Лубны тоже принимал участие в этом производстве: клеил коробочки для спичек, сверлил отверстия в ножах, а также торговал цветами из нашего сада. Но это было летом, а зимой я безвыездно жил с моей мамой в Лохвице, помогал ей в шитье (моё дело было расшивать швы), так как с малых лет я был обучен рукоделию, а большей частью ничего не делал. Учение в школе у нас практически прекратилось: на базе бывшего реального училища, куда мне предстояло поступить после окончания приготовительного класса коммерческого училища, была устроена т.н. «трудовая школа», отметок не ставили, уроки проходили довольно беспорядочно, в классе стоял мороз, чернила замерзали. Сидели мы в пальто и шапках, дисциплины не было никакой, и мы нередко вообще не появлялись в школе, предпочитая кататься на коньках или санках. Введено было одно время преподавание на украинском языке, которого старые учителя не знали, – в общем, всё развалилось окончательно.

Мама кроме шитья устроилась на работу в городской Исполком: там собрались совершенно безграмотные люди, и им требовался понимающий секретарь, который фактически и руководил всей работой. Сложнее был вопрос с зарплатой: в то время денежная неразбериха была в самом разгаре: в ходу были и царские деньги, и «керенки»**, и деникинские, и новые советские, но всё это было настолько обесценено, что не было возможности установить подлинную стоимость денег. Тогда мама поставила условием, чтобы ей платили продуктами по ценам и нормам царского времени. Таким образом мы получали некоторые, хотя и далеко не все, необходимые продукты. Это давало возможность довольно неплохо существовать, а время было очень голодное. Я помню массы беженцев – голодающих с Поволжья. В Лубнах я видел переполненные товарные поезда с этими несчастными, которые везли с собой смерть и заразу.

Лохвица отстояла далеко от железной дороги, и к нам они добирались пешком или на верблюдах, которых я видел тогда впервые в жизни. В городе появилась эпидемия холеры, стали делать прививки всем желающим. Я тоже, любопытства ради, пошёл на прививку и, очевидно, вовремя,

* В июле 1919 г. город был занят частями Добровольческой армии, а в декабре 1919 г. была повторно установлена советская власть.

** Керенки – бумажные денежные знаки, выпуск которых был организован Временным правительством с 18 сентября 1917 г. и продолжен в 1918-1919 гг. Народным банком РСФСР, а также незаконно в различных местных типографиях.

так как еле дошёл домой со страшными болями в желудке. Температура поднялась до 40 градусов, появился жесточайший понос. И я три дня пролежал без движения. Потом наступило облегчение, через неделю я был совсем здоров, зато имел полное право есть неспелые фрукты и овощи и купаться в реке, что всем запрещалось, и пользоваться всеми благами жизни. Впоследствии, при переезде в Латвию, мне ещё дважды прививали холеру, но больше прививки не действовали.

Кроме шитья я занимался рисованием игральных карт и икон. На то и другое был большой спрос, и я таким образом зарабатывал на сахарин (сахара не было, а сладкого хотелось), на семечки и на махорку – я тогда уже изрядно курил. Кроме того я страстно играл в карты. У меня была своя отдельная комната, где я жил с одним моим товарищем по школе — Сергеем Зубом. К нам приходили многие наши сверстники (порой даже солидные деревенские парни), мы заставляли дверь комнаты изнутри тяжёлым мраморным умывальником, чтобы нам никто не мешал, и резались в «очко» днями и ночами. Денег не всегда хватало, и в качестве «валюты» фигурировали... книги. У нас их было довольно много, и ценились они не по автору и содержанию, а по объему и качеству бумаги (обратно пропорционально плотности и глянцевитости, так как книги шли на «цигарки» и другие технические нужды. Не всегда мне везло, и было даже так, что я проиграл в карты замечательный складной ножик, который для меня специально сделали дядя и тетя за мою помощь в их «производстве».

Свою тогдашнюю жизнь и времяпрепровождение я в своё время описал подробней, – это было уже в Латвии, когда я в период «расцвета» моей писательской деятельности помнил ещё много разных подробностей и забавных фактов. Эти записки, наверное, уничтожены или потеряны, а восстанавливать их по памяти больше не хочется.

Аусейс Лонгин. Начало 20-х годов XX века. (Фото: Cēsu Centrālā bibliotēka)

Подходило к концу время моего пребывания на родине. Кажется, в конце 1921 г. мы получили письмо от отца из Латвии. Оказывается, он в Югославии, где работал кочегаром на лесопильном заводе, случайно получил номер рижской русской газеты, где было сказано, что профессор Лонгин Аусейс* назначен министром образования в Латвии.

Это был двоюродный брат отца, и отец сразу же обратился к нему с письмом по поводу возможности перебраться в Латвию.

* Аусейс Лонгин (Longīns Ausejs) (30.10.1885 – 09.06.1942) Родился в семье латышских колонистов в поселке Лавры, Псковской губернии. В 1900 г. окончил Псковское реальное училище, затем Псковскую классическую гимназию (в 1906 г.) и Математический факультет Императорского Санкт-Петербургского Университета (1910 г.). Работал учителем и директором Реальной школы в Цесисе, в 1917 г. возглавил городскую администрацию Цесиса. Основатель первого латышского отряда скаутов. Возглавлял школьную роту и принимал участие в боях за независимость ЛР в 1919 году. В 1921 г. был назначен министром образования ЛР. Член Рижской думы, депутат Сейма. Старший доцент Латвийского Университета. В 1941 г. арестован и депортирован. Расстрелян в 1942 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. http://lv.wikipedia.org/wiki/Longīns_Ausējs

В то время, по соглашению между Латвией и многими европейскими странами, все люди, родившиеся на территории Латвии, имели право на латвийское подданство. Отец, правда, родился во Пскове, но и тут на помощь пришел упомянутый Аусейс: брат его жены был пастором и смог выдать ему фальшивую метрику, удостоверявшую, что отец родился в Латвии. На этом основании отец получил латвийское подданство и окружным путем, через ряд западно-европейских стран прибыл в Латвию. Здесь он сразу же устроился на работу по специальности. Юристы в Латвии были очень нужны, и, несмотря на то, что он совсем не владел латышским языком, был назначен камерным товарищем прокурора Рижского Окружного суда. Эта должность не была связана с выступлениями в судебных заседаниях, а состояла, в основном, в чтении дел, направляемых следователями на прекращение. Этим он и занимался вместе со своей учительницей латышского языка, изучая его «по ходу дела», но, как я уже говорил, так и не осилил всей премудрости и говорил прескверно.

Вскоре после своего приезда отец начал хлопоты о вызове нас. Мне он прислал самоучитель латышского языка, на внутренней стороне обложки которого были наклеены акварельные краски. Эти краски сразу же пошли у нас в ход, как валюта в карточной игре, и я скоро их проиграл, а самоучитель меня не заинтересовал. Наконец, летом 1922 г., мы получили разрешение на выезд в Латвию. Все вещи, за исключением одежды, пришлось оставить в Лубнах, так как в Латвии тогда именно одежда ценилась дорого, а остальное можно было приобрести.

При переезде из Лохвицы в Лубны произошло трагическое происшествие. Наша Лохвицкая бабушка ехала на подводе с вещами, по дороге подвода опрокинулась, и бабушка сломала ключицу. Из-за этого она лишилась возможности вернуться на свою родину, так как ехать надо было в товарных вагонах, куда и здоровому человеку было трудно влезть. Мы, конечно, надеялись, что она поправится и сможет тогда поехать в Латвию, но, так как у старого человека кость упорно не срасталась, и, кажется, через год после нашего приезда в Латвию бабушка в Лубнах скончалась.

Итак, началось наше далекое путешествие в Латвию. Вместе с нами из Лубен выехала мамина сестра тётя Шура с мужем и дочерью. Они направлялись в Ленинград, и до Новосокольников нам было по дороге. Там мы расстались, и мы поехали через Великие Луки на Себеж – пограничную станцию. Там, однако, оказалось, что ещё какой-то бумаги не хватало (кажется, латвийской визы, так как мы ехали не эшелоном, как обычно все беженцы, а самостоятельно), и маме пришлось ехать в Москву. А так как в Себеже – на границе – пребывать длительно не разрешалось, то нам с братом пришлось вернуться в Великие Луки и там в специальных бараках для беженцев ожидать возвращения мамы. Бараки эти находились довольно далеко от города, и мне приходилось ходить на базар, кое-что и кое-как готовить, так как мой брат в хозяйственном отношении был совсем беспомощным. Через несколько дней мама вернулась, но нам не разрешили дальше ехать «своим ходом», а пришлось ждать эшелона с беженцами, так что ещё некоторое время мы задержались в Великих Луках. Наконец этот эшелон подошёл, и начался наш последний путь по русской земле навстречу неизвестному будущему. Описание всего пути я тоже в своё время составил, даже в лирическом духе, но, и это мое произведение не сохранилось.

Закончился первый период моей жизни, началась новая жизнь, так непохожая на прежнюю. С 12-летнего возраста я вступил в период юношества.

Юность. Первые годы в Латвии

Ранним июльским утром 1922 года эшелон наш прибыл в Ригу. Поезд остановился на запасном пути около теперешней улицы Кирова*. Отец встречал нас на станции. Вещи наши (а их было немало – кажется, 12 тюков с одеждой, кроме всякой другой мелочи) повёз на тележке «ВРИДЛО» («временно исполняющий должность лошади»), а мы налегке пошли пешком на квартиру дядюшки Аусея на ул. Ханзас. Вид у нас был далеко не авантажный: на мне была старая солдатская шинель, простреленная на груди, шёл я босиком, как привык ходить в Лохвице; у мамы и брата были самодельные тряпичные туфли на верёвочной подошве.

Город произвёл на меня потрясающее впечатление – я ведь не видел в жизни таких больших городов. Манекены в витринах магазинов, одетые в «европейские» костюмы (которых мне тоже, пожалуй, не приходилось раньше видеть), казались мне живыми людьми. И трамваи, и автомобили (правда, немногочисленные ещё тогда), и вся суета большого города, чистота и великолепие – поразили меня. Припоминаю курьёз: когда мы пришли на квартиру Аусея и папа показал мне, как пользоваться ватерклозетом, я в первый раз очень испугался: вдруг с шумом полилась вода, и я подумал, что я что-нибудь испортил и начнётся потоп...

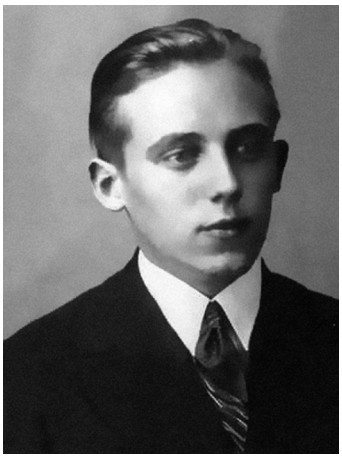
После кратковременного отдыха на квартире Аусея мы поехали на взморье, где отец нанимал дачу на одном участке со своей учительницей латышского языка (он продолжал ещё брать уроки, да и мне следовало заниматься). Дача находилась на улице Булдуру в Авоты. Сейчас, 50 лет спустя, я иногда ходил посмотреть эту дачу, но там теперь всё так изменилось, что трудно её узнать. Поезда на взморье ходили с пересадкой: мост через Лиелупе ещё не был восстановлен после войны, и поезд из Риги доезжал до берега Лиелупе, там надо было выходить и идти пешком по временному плавучему мосту, а в Лиелупе (тогда Булли) пересаживаться на другой поезд. Вагоны были только товарные, хотя и оборудованные скамейками; перроны в местах высадки и новой посадки отсутствовали, и залезать в вагон с насыпи было нелегко, особенно людям пожилого возраста и женщинам. Кроме того, когда бывало много пассажиров, плавучий мост под их тяжестью погружался, и приходилось идти по воде. Таким образом, путешествие было не из приятных.

На именины или день рождения отец подарил мне оловянных солдатиков, и я с увлечением играл в них в палисаднике у веранды нашей дачи. Детство еще требовало своего...

Однако приходилось думать о продолжении образования. Так как у меня документов не было, а мне было уже 12 лет, мне пришлось сдавать вступительные экзамены по всем основным предметам, чтобы поступить в школу. В Риге была знаменитая Ломоносовская гимназия**, в которой было 2 последних класса основной школы и 4 класса средней. К экзаменам я готовился домашним порядком, только по-немецки и по-латышски брал уроки у той же учительницы отца (она была балтийской немкой). Все экзамены сдал благополучно, кроме латышского, по которому я не одолел всей

* Ныне ул. Элизабетес (Elizabetes iela).

** Ломоносовская гимназия – старейшая рижская средняя русская школа. Первоначально создавалась как гимназия для девочек. В 1919 году, когда в здании Ломоносовской гимназии начала работу Рижская городская русская средняя школа, по традиции она называлась Ломоносовской. В 1923 году школа была переведена в здание по улице Колодезной (Akas iela, 10). http://http://www.russkije.lv/ru/lib/read/the-riga-city-russian-secondary-school.html



Игорь Чиннов, студент факультета народного хозяйства и права Латвийского университета. 30-е годы XX века. (Фото: russkije.lv)

требуемой премудрости и получил двойку. Меня приняли условно с тем, чтобы я через полгода сдал латышский язык.

Вскоре после начала учебного года мы переехали жить в Ригу. Отец, как товарищ прокурора, имел надзор над Политическим управлением («охранкой») и получил благодаря этому квартиру в доме на Альбертовской ул. (теперь ул. Фр. Гайлиса)*, на углу Стрелковой. Квартира находилась со стороны двора на пятом или шестом этаже и состояла из двух комнат с коридором и кухни. Комнаты были крошечные, в одной поместился брат, в другой (служившей нам и столовой) мама, а мы с отцом спали на одной кровати в коридоре. Мебель была самая скудная, разнокалиберная, конфискованная у осуждённых преступников. Но сравнительно скоро мы получили в этом же доме громаднейшую квартиру чуть ли не в 12 комнат на первом этаже.

Мебели пока не прибавилось, комнаты стояли пустыми, в длиннющем коридоре мы с товарищами играли в футбол, а в самой большой и пустой комнате отец учил меня танцевать. Ещё через некоторое время мы переехали там же на второй этаж, где комнат было, кажется, всего пять, но зато в каждой был балкон, выходивший на улицу. Здесь мы прожили, примерно, года два.

В школе нумерация классов велась по старому, »царскому» счету: предпоследний класс основой школы (первый, в который я поступил) считался третьим, и далее до 8 класса. В третьем классе учение было смешанным – учились и мальчики и девочки вместе.

Со мною в одном классе были две «знаменитости» – нынешний профессор Консерватории, народный артист ЛССР, певец Александр Вилюман** и ныне прославившийся в Америке поэт Игорь Чиннов***.

Отношения между нами, мальчиками, были ровные и дружественными. Един-

* Ныне ул. Альберта (Alberta iela).

** Вилюман Александр (Aleksandrs Viļumanis) (15.07.1910 – 08.12.1980) Родился в Павловске в семье бухгалтера и учительницы музыки. После окончания Первой мировой войны семья переехала в Ригу, где мать основала детскую оперную студию. В 1936 году окончил Латвийскую Музыкальную академию. С 1934 по 1939 год работал в Лиепайской опере. В 1939 году стажировался в Италии, вернувшись, перешёл в Латвийскую национальную оперу в Риге. с 1948 по 1978 год преподавал в Латвийской Государственной консерватории. http://lv.wikipedia.org/wiki/Aleksandrs_Viļumanis_(dziedātājs)

*** Чиннов Игорь Владимирович (25.09.1909 – 21.05.1996) Родился в семье юриста Владимира Алексеевича Чиннова. Окончил Рижскую городскую русскую гимназию и юридическое отделение факультета народного хозяйства и права Латвийского университета. В 1950 году в Париже вышла его первая книга стихов. В 1953 году переехал в Мюнхен, где работал в русской редакции радиостанции «Свобода». С 1962 года – в США, профессор русского языка и литературы Канзасского университета, затем Питтсбургского и университета Вандербилта в Нэшвилле (до 1976 года). Выпустил несколько поэтических сборников.
http://ru.wikipedia.org/wiki/Чиннов,_Игорь_Владимирович

Хор Всехсвятской церкви. 30-е года XX века. Во 2-м ряду первый слева Александр Вилюман (фото: russkije.lv)

ственный мой близкий друг был Борис Перов*, среди остальных ближе мне был Николай Харитоновский, отец которого тоже был видным юристом. Оба они кончили трагически: во время оккупации их расстреляли немцы. С девочками мы общения не имели и как бы избегали их.

Учение мне давалось легко, но отсутствие дисциплины сказывалось: кроме обычных мальчишеских шалостей, я учился «эпизодически», по настроению, и отметки бывали не очень устойчивыми. Так, по географии я даже в одной четверти имел двойку с минусом. Но в общем первый год учения прошел благополучно, меня перевели в следующий класс. В этом классе учение было раздельным: в одном классе учились мальчики, в другом девочки. В то время была мода на скаутов, и я поступил в 3-й отряд, со мною был Перов, а в 5-м отряде – Харитоновский. Но скаутизм меня мало привлекал, и я довольно скоро вышел из отряда. Об основной причине этого скажу дальше. Больше я увлекался футболом, – целыми днями мы играли в него на нынешней площади Коммунаров**, а зимой там же подвизались на катке.

Много занимался я и тяжёлой атлетикой, в основном борьбой, но ни один вид спорта не сделал меня спортсменом, я был просто любителем и вообще противником всякой организованности и подчинения, поступал всегда так, как мне хотелось. Играл я иногда в шахматы, – этому искусству меня еще в детстве научил отец, но настоящего шахматиста, какими были некоторые мои товарищи, из меня не вышло.

Учение шло по-прежнему – удовлетворительно, но отнюдь не отлично. Природная лень не позволяла мне усидчиво заниматься, я даже в класс ходил без книг и тетрадей, довольствуясь листком бумаги, за что меня прозвали «студентом». К

* Перов Борис Кузьмич (1910-1943). Родился в семье известного педагога, общественного деятеля и заведующего Рижской 7-й русской основной школой Перова Козьмы Ивановича. Брат знаменитого латвийского издателя, журналиста и общественного деятеля Анатолия Перова. Актёр Театра русской драмы. Во время немецкой оккупации был арестован и заключён в Рижскую центральную тюрьму. Расстрелян 22 октября 1943 года. http://www.russkije.lv/

** Ныне парк Эспланада (Esplanāde).

тому же именно в этот период у меня появился писательский зуд, и я усердно марал бумагу в стихах и в прозе, просиживая за этим делом до глубокой ночи. Учились мы во вторую смену, так что утром я спал до самого обеда. После уроков, если не было катка или футбола, мы часто бродили с Перовым, реже с Харитоновским, по улицам, рассуждая о всяких жизненных проблемах. В этом возрасте у человека появляется целый ряд сложнейших вопросов и проблем, которые он пытается разрешить собственным умом, а его-то часто не хватает. К чтению у меня пристрастия не было, в кино я тоже не любил ходить, так что жить было довольно скучно. Часто ходил в цирк, особенно меня привлекала борьба, и я мечтал в своё время стать борцом или жонглером. Развлекались мы игрой в карты, – теперь уже в преферанс, собираясь преимущественно у Харитоновского, так как у него была большая квартира и известная самостоятельность – родители не обращали на него внимания.

Занимался я ещё и коллекционированием почтовых марок, но весьма примитивно, по-детски, и скоро забросил это дело. В конце этого же 1923 года произошло событие, которое во многом изменило мою жизнь, интересы и поведение: я влюбился! Смешно, может быть, говорить об этом в 13-летнем возрасте, но в данном случае было вполне серьёзно: мой выбор остался неизменным вот уже 50 лет.

Произошло это дело так. Как я уже говорил, в 4-м классе мальчики и девочки учились отдельно. На Рождество, как обычно было принято, в школе устраивалась ёлка, и наш учитель русского языка решил поставить на сцене одно действие из пьесы Островского «Бедность не порок». В нём участвовали только ученики и ученицы нашего класса. Я не был назначен в число участников, так что и на репетициях не присутствовал.

Однако в последний день перед спектаклем мой приятель Харитоновский, назначенный к участию, категорически отказался играть, и его роль дали мне. Роль, правда, была бессловесная, но нужно было петь и играть на гитаре. Ни в одном, ни в другом я ничего не смыслил, но выхода не было. Я, правда, гитару только держал в руках, а играли за меня другие – за кулисами, но петь-то приходилось мне самому. Как это получилось – не берусь судить, но, очевидно, весьма гнусно. Участвовала в этом спектакле ученица из класса девочек – Раиса Реснайс. До этого я её и не знал, так как вообще не имел никакого общения с параллельным классом и знал из него только тех, которые учились со мною в прошлом году. Но даже с ними мы обычно не здоровались, и только некоторые «донжуаны» и здоровались, и даже разговаривали с ними.

Вот в этом серьёзном и ответственном моменте моего повествования мне, определённо, не хватает писательского таланта. Какой-нибудь профессиональный сочинитель развёл бы тут целую повесть о влечении юного сердца, тоске, страданиях, – а мне даже трудно представить себе, как всё это произошло. Особенно теперь, полвека спустя, восстановить ход и содержание моих мыслей и чувств нет возможности. Я влюбился, и это всё. Правда, и после этого факта я не имел никаких, хотя бы просто дружеских, отношений с объектом моей вспыхнувшей страсти, но всё же всегда невольно следил за ней, в задушевных беседах с моими ближайшими друзьями я говорил о ней, и это доставляло мне большое удовлетворение. Естественно, что и моя «муза» в значительной степени переключилась на романтический лад, но на этом всё остановилось до будущего года.

Этот следующий год был весьма значительным: дальше программа школы разделялась на две отрасли: реальное училище и реальная гимназия. Разница была в том,

что реалисты в большом объёме проходили математику, учились черчению – из них могли выйти инженеры, механики, архитекторы, преподаватели естественно-математических наук, а гимназисты изучали латынь, с расчётом на дальнейшую карьеру юристов, врачей, химиков, учителей. Большинство мальчиков из нашего класса пошло в реальное училище. Нас, гимназистов, осталось всего 11 человек. Зато подавляющее большинство девочек пошло именно по гимназической линии. Для меня выбор не представлял проблемы – я давно чувствовал интерес к юридическим вопросам, будучи юристом уже в третьем поколении. Избранница моего сердца тоже пошла в гимназическое училище. Однако этим ещё близкое знакомство не было обеспечено. Подружились мы только на катке, куда после уроков (уже довольно поздно вечером) ходили многие наши ученики и ученицы. Совместное катание перешло в провожание домой. Разговоры, вначале чисто «деловые», постепенно принимали более глубокий и сердечный характер, и это уже было залогом более прочной и близкой дружбы. Вопреки принятому сейчас обычаю, мы, конечно, говорили на «вы». Когда прошла зима, дело уже дошло до свиданий. Помню, что наше первое свидание прошло в Старом городе на ул. Вальню между б. Известковой (теперь Ленина)* и Пороховой башней. Прогулки наши были весьма продолжительными, – теперь с завистью вспоминаю, как много и долго я мог ходить без устали. Излюбленным местом отдыха у нас был скверик против нынешнего Дворца Пионеров – тогда Президентского замка.** Случалось ходить в кино, иногда на танцы, но я не был большим любителем этого развлечения, и меня интересовала только возможность побыть в обществе любимой. Из-за этого же я вышел из скаутов, где отрядные сборы происходили именно в воскресенье, выходной день, когда можно было назначить свидание.

Следующий год не принёс ничего нового. Уроки шли своим чередом, а с ними вместе и обычные школьные шалости, – они впоследствии сыграли видную роль в моей жизни. Учился я неплохо, но так как Рая училась лучше, я однажды поставил себе целью превзойти её. У нас каждую четверть свидетельства выдавались в классе по порядку успеваемости, и в одну четверть я был первым учеником. Но так как меня это мало интересовало, то уже в следующей четверти я опять опустился в группу если не последних или средних, то, во всяком случае, не «призёров».

Моим любимым предметом была латынь, которую я знал (и теперь ещё знаю) действительно на «отлично». Немудрено, что на уроках латыни я мог позволять себе всякие шалости без опасения за отметку. Впрочем, и на других уроках шалостей было достаточно. Всё это вместе взятое, а также моя обычная манера обходиться без книг и тетрадей постепенно накапливало «зуб» на меня среди преподавателей и начальства. Нельзя сказать, что я был бы особенно злостным шалуном, так же как нельзя отрицать и того, что нас было несколько. Но мои ближайшие товарищи и «соратники», Перов и Токарев, были сыновьями учителей, поэтому отношение к ним был несколько иным. Короче говоря, большинство проделок относилось на мой счёт, и пришла, наконец, минута, когда администрация решила отделаться от меня. Все дело, в сущности, заключалось в пустяке, но это была последняя капля, переполнившая чашу терпения начальства.

У нас был учитель русского языка Георгий Петрович Гербаненко. Как педагог, он звёзд с неба не хватал, но у него была одна слабость: он требовал, чтобы в клас-

* Ныне ул. Калкю (Kaļķu iela).

** Ныне Рижский замок (Rīgas pils).

се был очень свежий воздух. И, конечно, именно перед его уроками мы не только не проветривали класс, но даже устраивали «химическую обструкцию»: жгли в классе гребёнки и т.п., после чего наш педагог, придя на урок, велел открывать все окна, а нас выпускал в коридор. Таким образом мы получали дополнительно минуты отдыха и были этим очень довольны. И вот однажды мой сосед по парте, Токарев, принёс в класс бутылочку эфира. Если его налить на платок и основательно нанюхаться, получалось нечто вроде опьянения, и мы все с удовольствие нюхали этот эфир. Запах в классе от этого получился, конечно, потрясающий, – и это случилось как раз перед уроком Гербаненко. Проветрить класс от эфира было весьма затруднительно, и урок был сорван окончательно. Был вызван директор, началось расследование, и девочки, допрошенные без нас, сказали, что виновны мы с Токаревым. Очевидно, потому, что Токареву неудобно было признаться, я взял вину на себя: мне, мол, зубной врач выписал такое лекарство, и мы его нечаянно пролили. Последствия были самые решительные: меня отправили домой и велели на другой день явиться с родителями. Пришла моя мама, ей деликатно сказали, что «школа не подходит для вашего сына», а потому было решено исключить меня, притом с «волчьим паспортом», т.е. без права поступления в другую школу. Оставался один выход: держать экзамен экстерном при Министерстве образования. В виде некоторого послабления мне разрешили сдать при школе экзамены по всем предметам за предпоследний класс средней школы (из которого меня исключили), причем Министерство требовало, чтобы оценки были не ниже 5, и тогда я имел право экзаменоваться только за последний класс. Дело осложнялось тем, что экзамены при Министерстве надо было сдавать на латышском языке. Хотя я и овладел к тому времени этим языком довольно хорошо, но вся терминология предметов была для меня совсем чуждой. Кроме того, в программе этих экзаменов было несколько таких предметов, которые в нашей школе вообще не проходились: психология, логика, история искусств, обществоведение, а по некоторым предметам (например, по латыни) программа была значительно шире, чем у нас в школе. К этому надо добавить латышскую литературу, которой у нас в школе почти не было, а там требовалось очень основательное её изучение. Одним словом, задача предстояла чрезвычайно серьёзная, если не сказать, невыполнимая. Но тут во мне заговорила гордость (вернее, упрямство, так как гордым я никогда не был), и я решил сдать все экзамены уже в этом самом году (исключили меня в январе), т.е. выиграть один год, и тем самым показать, что школа своим решением о моём исключении не только не повредила мне, но даже помогла на год раньше окончить школу. Играло здесь роль и то обстоятельство, что я уже тогда решил жениться на своей избраннице, и скорейшее окончание школы содействовало бы этому делу.

Итак, началась упорная борьба с наукой, Пришлось, конечно, брать частные уроки, а это стоило не дешёво, поэтому мы старались сократить эти расходы. Так, математику мне преподавал наш старый знакомый ещё по Лохвице, инженер В. Соколов, естественные науки – тоже старый знакомый моего отца и, кажется, даже коллега по Университету С. Шапот (он окончил юридический и естественный факультеты в Петрограде). Он заслуживает нескольких дополнительных слов. Дело в том, что он занимался астрологией, и от него я впервые услышал об этой науке. К сожалению, тогда не было времени подробнее заняться этим делом, но впоследствии, когда я уже поступил в Университет, я усердно брал у него уроки по астрологии в обмен на латышский язык, который я ему преподавал

(он хотел стать адвокатом). Не вдаваясь в подробности, должен сказать с убеждением, что астрология – действительно наука (а не шарлатанство, как о ней иногда говорят) и притом весьма интересная, хоть и не лёгкая. Между прочим, уже значительно позже, когда я несколько отстал от этой науки по недостатку времени, я встретил С. Шапота как раз в день рождения моего сына* и сообщил точное время рождения сына.

Шапот составил мне его гороскоп и дал его приблизительное объяснение, и оно до сих пор поражает меня своей точностью. Случалось и мне составлять интересные гороскопы, в частности, на полёт американских лётчиков Нанжессера и Колли** через океан (тогда эта была одна из таких смелых попыток). Точное время их было сообщено по радио, и я сразу же составил гороскоп, из которого мне было совершенно ясно, что летчики погибнут. Так это и случилось. Ряд других личных наблюдений подтверждает серьёзность и основательность астрологии.

Жаль, что мне дальше не пришлось этим заниматься: в латвийское время можно было достать соответствующую литературу (в основном, немецкую и английскую), у меня было несколько интересных и важных книг по астрологии, но потом этой наукой заинтересовался мой брат, я его обучил основам астрологии, и эти книги он увез, с собой в провинцию, где работал. Во время войны они погибли, а сейчас, когда у меня есть достаточно свободного времени, достать что-нибудь по этому вопросу невозможно. Интересна, хотя и глубоко трагична судьба самого Шапота. Когда я у него в своё время спрашивал, составил ли он свой гороскоп и что в нём намечается, он ответил уклончиво. В этом году, т.е. 45 лет после нашего с ним знакомства, я встретился с одной старушкой, которая тоже в своё время училась у Шапота, и она мне рассказала, что во время немецкой оккупации Шапот, как и все евреи, был заключён в гетто. Вначале их оттуда вывозили на работы и их можно было там посещать, а потом постепенно стали расстреливать. Кто-то из знакомых предложил Шапоту спасти его – подкупить стражу или т.п. – и дать ему возможность скрыться. Однако он отказался, сказав, что от угрожавшей ему смертельной опасности (по гороскопу) он дважды спасался, но на третий раз конец неизбежен. Так он и погиб в гетто.

Но довольно об учителях. Латышскую литературу я учил сам: читал сотнями страниц всякую ерунду, чтобы знать хоть содержание, а разбор и критику надеялся произвести сам, – тогда еще не существовало «официальных» толкований на основании марксизма-ленинизма, как это принято теперь. Такие предметы как об-

* Блазма Георгий Владимирович (1936 – 2007) Посвящён в 1955–1956 гг. в иподиаконы, в 1956–1957 в диаконы. Служил в Христорождественском кафедральном соборе, в Дзинтарской церкви Казанской Божией Матери (в 1957–1958 гг.), во Всехсвятском храме (в 1958 г.), затем был переведён в Челябинскую епархию. В 1960 году рукоположён в сан. Отказавшись от сотрудничества с местными органами КГБ, вернулся в Латвию, служил регентом и выполняя, ремонтные работы в храмах. С 1990 по 2004 гг. служил в храме Петра и Павла в Кемери. http://pravoslavie.lv/index.php?newid=1256; https://vunivere.ru/work12839/page10

** Речь идет о «Белой птице» (фр. L'Oiseau Blanc) – французском биплане, на котором 8 мая 1927 г. была предпринята попытка пересечь Атлантический океан по маршруту Париж – Нью-Йорк, однако самолёт пропал без вести. Пилотами во время этого перелёта были ветераны Первой мировой войны Шарль Нунжессер и Франсуа Коли, которые намеревались получить за успешный перелёт премию Ортейга и 25 000 долларов призового вознаграждения. Исчезновение «Белой птицы» считается одной из самых известных загадок в истории авиации. По результатам последних исследований специалисты считают, что биплану удалось долететь по крайней мере до Ньюфаундленда, а разбился самолет на территории штата Мэн. http://ru.wikipedia.org/wiki/Белая_птица_(биплан)

ществоведение и история искусств я даже не читал, – отец читал в Государственной библиотеке книги об истории искусств и потом мне вкратце рассказывал, а обществоведение я, как потомственный юрист, понимал и сам, – это облегчалось тем, что содержание этого предмета сводилось к устройству государства, к основам законов и прав граждан, так что современная политическая (именно политическая) экономия не требовалась.

Как бы то ни было, но частные уроки и домашние задания отнимали у меня ровно 16 часов в сутки. И это в весеннее и летнее время! Немудрено, что такая нагрузка навсегда подорвала моё здоровье, – я потерял в весе до 20 кг ниже нормы (так мой вес и остался в пределах 60 кг) и испортил нервную систему. Для свиданий, естественно, времени не оставалось. Чтобы хоть изредка встречаться, Рая выходила мне навстречу, когда я шёл на какой-нибудь урок, и провожала меня.

Наконец наступило время экзаменов при Министерстве (в школе я всё сдал благополучно). Они начались 1 августа 1927 года и продолжались до 14 августа, ежедневно, иногда даже по 2 экзамена в день. Очевидно, Мин. Образования хотело уничтожить экстернат, – об этом свидетельствовало хотя бы и то, что из 32 экзаменовавшихся выдержали испытания только 3, и я был в числе этих счастливцев, – об этом у меня сохранилась газетная вырезка.

Теперь предстояли новые хлопоты: 15 августа кончался срок подачи заявлений в Университет, так что за один день надо было получить аттестат, снять, заверить копию с него, собрать все остальные документы и всё это сдать в Университет. Но удалось и это, и осталось ждать конкурсных экзаменов, которые начинались 30 августа. По теперешним понятиям конкурс был совсем небольшой: из 3-х человек принимали одного. Конкурс проводился только по одному латышскому языку (письменно), а остальные экзамены – кажется, немецкий и латынь – были только контрольными. Приёмным баллом оказалось 4,5, а я получил 4,7 и, следовательно, преодолел и этот последний барьер и стал студентом. С гордостью надел и белую студенческую шапочку (взял её у брата), взял в руки трость (так обычно ходили студенты) и пришёл 1 сентября к школе, где начинался новый учебный год, и с триумфом показал товарищам и преподавателям, что моё исключение из школы отнюдь не повредило мне.

Университет. Служба. Советская власть. Война

Наступило время короткого отдыха. Занятия в Университете начинались 15 сентября, 1 семестр кончался 15 декабря, затем следовал месяц каникул, и 2-й семестр, с 15 января до 15 мая. Экзамены происходили обычно в конце каждого семестра или в первые дни каникул. Система «учёбы» была старинная: посещение лекций не было обязательным, лекции проходили в течение всего дня, и каждый мог по своему усмотрению ходить на одну или другую лекцию, а большинство вообще не ходило, предпочитая готовиться к экзаменам по стенограммам лекций, которые «самиздатом» выпускали некоторые бедные и усердные студенты, добывая этим средства к существованию.

Я несколько подробнее останавливаюсь на нашей университетской системе, так как нынешнее поколение понятия не имеет о тогдашней студенческой жизни, столь непохожей на современную.

Прежде всего, у нас существовала так называемая предметная система: нужно было сдать определённые предметы, правда, в некоторой последовательности, а срок не был ограничен. Существовал некоторый минимум для каждого года, но он никогда

не соблюдался, так что у нас было немало «вечных студентов», сидевших годами на одном факультете, затем переходивших на другой (это было возможно без всяких формальностей), затем возвращавшихся обратно и т.д. Конечно, это были состоятельные люди, так как за учение взималась плата, и совсем не маленькая. Ни о каких стипендиях и речи не было, только «орденоносцы» Освободительной войны учились бесплатно. Возраст студентов также не был ограничен, встречались даже 60-летние студенты. Перед началом каждого учебного года нужно было подать декану список предметов, которые студент хотел бы слушать в этом году. Декан ставил свою подпись в зачётной книжке на каждый предмет. Затем нужно было идти к соответствующему профессору и от него также получить подпись, – только тогда можно было в конце года сдавать экзамен по этому предмету. Декан мог не разрешить слушать некоторые предметы, если время лекций совпадало или не соблюдалась некоторая последовательность, – например, догму римского права нельзя было слушать раньше истории этого права; уголовный процесс – раньше уголовного права и т.д. Но на практике дело обстояло гораздо проще: декан не имел возможности проверять время лекций (ведь он имел дело с сотнями студентов и десятками предметов), не следил особенно и за последовательностью, только не одобрял слишком большое количество заявленных предметов. Я это дело ещё больше упростил: научился сам подписываться за декана так хорошо, что он сам не мог установить подлог даже когда я приходил к нему на экзамен с собственноручно подписанной зачётной книжкой.

Благодаря свободному посещению лекций, некоторые из них посещались весьма усердно, а другие совсем слабо. Так, например, лекции по гражданскому праву (его читал профессор В. И. Синайский*, учёный с европейским именем) всегда бывали многолюдны, их посещали даже студенты других факультетов. Я в этом отношении грешен – бывал на них всего 2-3 раза, так как гражданское право вообще не любил. На других же лекциях – например по уголовной психопатологии, присутствовало всего 2-3 человека. Лекции эти начинались рано – в 7:30 утра, читал их весьма слабый доцент Леиньш, но меня этот предмет очень интересовал, так что я всегда был одним из двух этих слушателей. Интересно, что отец мне рассказывал, как этот предмет в Петербургском университете читался в огромном актовом зале – так велико было число слушателей. На лекциях по статистике я не был ни разу, даже плохо знал в лицо преподавателя. Зато весьма усердно слушал лекции по истории и догме римского права и всеобщей истории права. Тут надо заметить, что ко времени моего поступления в университет большинство преподавателей читали лекции по-русски, так как были ещё воспитанниками и даже преподавателями старых российских университетов. Но именно в тот год, когда я поступил этим

* Синайский Василий Иванович (25.07.1876 – 21.09.1947) Родился в семье священника в селе Лаврово, Тамбовской губернии, в 14 лет остался круглым сиротой. В 1897 г. окончил Тамбовскую Духовную семинарию, в 1904 г. юридический факультет Юрьевского университета. С 1904 по 1910 гг. преподавал римское право в Юрьеве, затем в Варшавском университете. В 1911-1922 гг. преподавал гражданское право в Киевском университете, профессор. За особые заслуги перед российской наукой В.И. Синайскому было присвоено дворянство. С 1922 по 1944 гг. – профессор Латвийского университета, заведовал кафедрой гражданского права. Участвовал в разработке гражданского кодекса Латвии. С 1928 по 1938 гг. – главный редактор юридического журнала «Jurists». С 21 декабря 1935 г. почётный филистр русской студенческой корпорации Fraternitas Arctica. http://ru.wikipedia.org/wiki/Синайский,_Василий_Иванович

В. И. Синайский при регалиях русской студенческой корпорации Fraternitas Arctica. 30-годы XX века. (Фото: artica.lv)

профессорам, в порядке гонения на всё русское в Латвии, было предложено перейти на немецкий язык и лишь очень немногим, в виде исключения, было разрешено читать по-русски.

Немецкий язык я знал далеко не в совершенстве, хотя понимал почти всё, а конспектировать лекции (в частности, по римскому праву) приходилось на трёх языках, как скорее придумается фраза, а затем переписывать на русском языке.

Моей целью было скорее окончить университет, чтобы поступить на службу и иметь возможность жениться. В силу этого я снова приналёг на занятия и в результате за два с половиной года окончил четырёхгодичный курс юридического факультета. Из-за этого же самого я не поступил в корпорацию*, где состояло подавляющее большинство студентов. Это были, в сущности, неплохие организации.

С одной стороны, они воспитывали молодых людей во всевозможных правилах светского поведения и приличий, что было особенно важно для тогдашней латышской молодёжи, вышедшей из гущи простого народа; с другой, связь через корпорацию с «филистрами», т.е. раньше окончившими университет, давала известную протекцию по предстоящей службе. Нужно было молодёжи и некоторое развлечение, веселье. Недаром пели студенты о том, что «жизнь наша коротка и молодость проходит быстро». Правда, несколько грешили корпорации преувеличенным употреблением спиртных напитков, но и это, пожалуй, не так страшно: зато привыкали пить «культурно» и вести себя даже в подпитии вполне прилично.

По окончании первого года занятий я совершил путешествие в Италию. Произошло это несколько необычно. Со мной вместе учились два студента, которые брали уроки итальянского языка , преподававшиеся бесплатно при итальянском посольстве в Риге. Они-то и подали мысль поехать в Италию, а так как я всегда интересовался этой бывшей Римской империей, то охотно согласился участвовать в поездке. Отец финансировал это начинание, кстати, не так уж дорогое по тогдашним ценам. Однако в последний момент мои товарищи отказались от путешествия, а мне не хотелось оставлять этого дела, и я поехал один. До сих пор удивляюсь своей предприимчивости и решительности.

Путешествие оказалось не очень удачным, так как, во-первых, это был самый

* В 20-30-е годы в Риге действовали 4 немецкие, 18 латышские и 2 русские мужские корпорации. Целью русских студенческих корпораций было воспитание русской академической молодёжи в духе верности родной культуре, товарищеской поддержки, чести в широком смысле этого слова, а главное – воспитание внутренней дисциплины. Старейшей русской корпорацией была Fraternitas Arctica, основанная ещё в Рижском политехникуме в 1880 г. и существующая до сих пор. В 1929 г. в рядах Fraternitas Arctica произошёл раскол, и образовалась новая русская корпорация Ruthenia, одним из её инициаторов являлся Г.Ф. Блюм, родной брат автора воспоминаний. http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russians-in-the-first-latvian-republic/feigmane-chapt2-10.html

2-й съезд представителей русских студенческих организаций государств с коренным русским населением в штаб-квартире (C!Q!) русской студенческой корпорации Ruthenia в Риге, 22.12.1930. В очках, у герба, брат автора воспоминаний, Г.Ф. Блюм. (фото: russianestonia.eu)

разгар лета, когда в Италии стоит страшная жара: ночью было до 36 градусов, а днём до 50; фруктов ещё почти не было, а самое главное – я совсем не интересовался и не разбирался в разных художественных вопросах, что ни музеи, ни архитектура на меня никакого впечатления не произвели. Да и скучно бродить одному, к тому же не зная как следует итальянского языка. В результате я сократил предполагавшийся маршрут и время, проехал только через Варшаву, Вену, Венецию, Флоренцию, Рим и вернулся обратно в Ригу. До Неаполя даже не доехал. Правда, основательно осмотрел остатки Древнего Рима и катакомбы, а это было для меня самым важным. Кое-какие путевые заметки сохранились у меня в одной записной книжке, но не стану их повторять.

Итак, от корпораций я отказался, стремясь скорее разделаться с учебой. Тут меня ждало новое препятствие (сколько их было на моём жизненном пути, и все не по моей вине!): была введена курсовая система, так что раньше 4 лет нельзя было сдавать экзамены. Приходилось ждать. Это время я использовал для того, чтобы практически изучить юридическую премудрость, – ведь университет давал юристу очень мало. Я стал писать проекты решений Сената, где мой отец работал тогда прокурором. Там установилась негласная практика, по которой все дела, поступавшие на рассмотрение Сената, делились поровну между тремя сенаторами и прокурором, и проект решения по делам своей «порции» писал каждый из них. Другой потом этот проект прочитывал и, если был согласен (а это было поч-

ти всегда), дело становилось решённым, и судебное заседание являлось простой формальностью. Кстати сказать, эти решения в полной мотивации и не объявлялись, а составляли только запас прецедентов на будущее. Отдельные принципиальные тезисы (напр., подробное толкование той или иной статьи закона) издавались впоследствии особым сборником, в который, должен не без гордости сказать, вошли и некоторые из моих юридических толкований. Это занятие, за которое я получал от отца по лату за дело, дало мне большой и полезный опыт в дальнейшей работе. И эта работа скоро началась: 2 августа 1929 г., в день, когда мне исполнилось 19 лет, я поступил на службу в Рижский Окружной суд на должность младшего кандидата на судебные должности. В то время было некоторое перепроизводство юристов, и на службу вначале пришлось поступить без жалования. Меня сразу прикомандировали к одному из лучших Рижских судебных следователей, и вскоре я получил зарплату и даже право самостоятельного производства следствия (за своей подписью). Получилось курьёзно: когда в 1930 году я женился, не будучи ещё «полноправным», так как мне не было ещё 21 года, то отец должен был давать письменное соглашение на мой брак, а право арестовывать и освобождать людей из-под стражи я имел ещё раньше.

Служба моя протекала очень успешно. Вскоре я стал одним из лучших следователей и был назначен в 1-й участок города Риги – самый трудный по характеру дел, так как там было множество дел коммерческого характера, и нужно было хорошо разбираться во всех тонкостях банковского, торгового и морского дела. Но именно это мне и нравилось и я досконально изучил все тонкости законных и незаконных сделок.

21 февраля 1930 г. состоялось мое венчание в Рижском Кафедральном Соборе (теперь там «Дом Знаний»). Последующие 10 лет были самыми радостными и благополучными в моей жизни. Зарабатывал я весьма достаточно: все судебные служащие получали очень много, – простой следователь мог иметь более 400 латов в месяц,* – это было установлено для большей неподкупности судебных деятелей, чему способствовал ещё и закон о несменяемости судей и следователей: их можно было уволить только по приговору суда, причём судить их могло только объединённое собрание департаментов Сената. Рая тоже работала с приличным окладом, как секретарша Коммерческого Института, которым руководил мой отец, и где я тоже некоторое время читал лекции. Жизнь тогда была сравнительно недорогой, за исключением квартирной платы, которая была высокой. Однако при наших доходах это тоже не являлось проблемой, мы имели очень удобную квартиру, обставленную прекрасной мебелью, сделанной по заказу. Приобрели мы и свою машину (с помощью отца), на которой совершили путешествие по Эстонии и много ездили по всей Латвии. Подробно на этом периоде жизни останавливаться не буду, – он промелькнул как светлый и незабываемый сон. В этот же светлый период у нас родился сын-первенец.**

* Минимальная зарплата в описываемый период составляла 40-60 латов, инженер зарабатывал 200-250 латов. В общем, жалование государственных служителей колебалось от 80 до 500 латов в месяц. Что касается цен на продукты, то литр молока стоил 0.2 лата, килограмм масла – 1 лат, килограмм мяса – 0.7 лата, хлеб – 0.1 лата, бутылка крепкого алкоголя – 1.5 лата. Мужской костюм стоил от 40 до 80 латов, обувь 10-15 латов. Плата за съём 2-х комнатной квартиры – 25-30 латов, 3-х комнатной – 30-40 латов. Конечно, в зависимости от удобств и расположения недвижимости цены варьировались. Подробнее см. Анохин. Д. Как мы жили в довоенной Риге. Рига, 1998.

** Блазма Георгий Владимирович.

Совершили мы с Раей путешествие в Берлин. Тогда в некоторые периоды (на праздники и т.п.) продавались льготные билеты на такие поездки, и мы этим воспользовались. Путешествие было приятное – со всем комфортом, шикарная и недорогая гостиница в Берлине, очень дешёвые фрукты, прекрасное пиво и т.д. Жаль только, что из-за наших валютных ограничений мы не смогли приобрести немецких денег по официальной цене: нам только разрешили вывезти известную сумму, а покупать эти деньги пришлось на чёрной бирже.

Этот светлый период жизни омрачился несколько тем гонением на всё не латышское, которое происходило при Улманисе*. По указанию начальства мне пришлось сменить фамилию на латышскую**. Этим я, правда, особо не огорчался, так как и прежняя фамилия была не из «столбового дворянства». Отец, как человек русской ориентации (а мать была видной русской общественной деятельницей), был вынужден уйти в отставку, не выслужив полной пенсии. Однако и то, что он получал, было больше моей зарплаты – более 400 латов в месяц. Кстати, здесь о пенсиях. В Латвии не было возрастного требования для ухода на пенсию, а только стаж. Проработав 10 лет, можно было уходить в отставку и получать 25% жалования. Таким образом в 1939 г., проработав 10 лет, я мог получать 100 латов пенсии, а после того, как я проработал еще 35 лет, я получаю 52 рубля! Печальный курьез, одна из тех гримас судьбы, которых так много было в моей жизни.

И вот наступили роковые 1940 и 1941 годы. В Латвии установилась советская власть. Начало этой власти было ещё более-менее терпимым: меня назначили даже и.о. следователя по особо важным делам, так как мой предшественник на этом посту был «скомпрометирован» прежней своей деятельностью по расследованию политических дел, в которых фигурировали все те, кто стал теперь у власти, а я, как следователь исключительно «коммерческого» плана, не вызывал пока нареканий. Мне было поручено следствие по громадному и очень сложному делу Латвийского Коммерческого банка, где в основном речь шла о том, что бывшие высокопоставленные государственные деятели (начиная с министров) погашали за государственный счет

* Улманис Карлис (Kārlis Augusts Vilhelms Ulmanis) (23.09.1877 – 20.09.1942) Родился в семье крестьян в Добленском уезде Курляндской губернии. С 1895 г. учился в Митавском городском реальном училище. Бросил учебу, уехал в Восточную Пруссию, где закончил 6-месячные курсы молочного хозяйства. С 1902 г. сам организовал курсы молочного хозяйства. В декабре 1905 г. был заключён в Псковскую тюрьму, освобождён в мае 1906 года. Уехал в США, где окончил курсы сельского хозяйства в 1909 г., получив диплом помощника агронома. Вернулся в 1913 г., работал агрономом и редактором журнала «Zeme» («Земля»). После Февральской революции стал заместителем комиссара Временного правительства в Лифляндской губернии. В ноябре 1918 г. принял участие в создании Народного совета Латвии и провозглашении независимости Латвийской Республики. Стал первым премьер-министром Временного правительства Латвийской Республики. До 1934 года занимал посты премьер-министра (4 раза), военного министра, министра иностранных дел (4 раза), министра сельского хозяйства (2 раза). 15 мая 1934 года организовал военный переворот, распустил парламент, все партии, закрыл неугодные печатные издания, приостановил действие конституции. 22 июля 1940 года депортирован, умер 20 сентября 1942 года в тюремной больнице Красноводска. https://lv.wikipedia.org/wiki/Karlis_Ulmanis

** В результате государственного переворота 15 мая 1934 года было приостановлено действие конституции, распущен парламент и все политические партии, закрыт ряд периодических изданий, национальных организаций, школ и гимназий. Из государственных органов были уволены многие представители национальных меньшинств, в том числе и с латвийским гражданством.

свои личные долги, общая сумма которых достигала миллиона латов. Большинство участников этого дело успело благополучно скрыться до прихода советской власти, некоторые были арестованы по «политической» линии и уже увезены за пределы Латвии, а мне пришлось привлекать к ответственности только бывшего министра финансов Вальдмана*. Я вызвал его к себе в камеру и арестовал, несмотря на его просьбы о хотя бы кратковременной отсрочке – его жена ожидала ребенка, и он боялся за неё. К этому эпизоду мне ещё предстоит вернуться позже.

Вскоре следственный аппарат и прокуратура были реформированы по советским законам. Прежде у нас прокуроры и следователи состояли при окружных судах, которых в Латвии было четыре. Прежде следователи не подчинялись прокурорам, хотя и работали в связи с ними, а теперь все следователи и прокуроры распределялись по территориальному признаку, причём следователи подчинялись непосредственно прокурору. Следователь по особо важным делам подчинялся прокурору республики через начальника следственного отдела. В моё время таким начальником был некто В. Липин, конечно, партийный и советский, но чрезвычайно добрый и сердечный человек. К нему мне ещё предстоит вернуться в моих воспоминаниях.

Дело о Кредитном банке было почти закончено, я даже написал проект обвинительного заключения, когда поступило распоряжение передать дело в ведение Министерства Госбезопасности, что было весьма правильно, так как по чисто уголовной линии очень трудно было «натянуть» состав преступления. Было у меня ещё несколько дел хозяйственного характера: о выпуске недоброкачественной продукции, завышении цен и т.п.

Было у меня и несколько совсем маловажных дел – просто для того, чтобы чем-нибудь занять меня. Но скоро такое полубезделие закончилось. В порядке общей чистки судебного аппарата очередь дошла и до меня. Я оставался едва ли не последним из «бывших» людей и, как сын прокурора Сената и вообще «плутократ», естественно, не подходил к той высокой должности, которую занимал. Меня назначили следователем Екабпилсского района. Пришлось ехать в этот маленький городишко, где я прежде никогда не бывал. Жить пришлось в той же комнате, где и работать. Семья пока оставалась в Риге. Через некоторое время прокуратура получила новое помещение, где для меня была отдельная комната. Тогда приехали в Екабпилс и мои домашние – жена и сын, привезли кое-какую мебель, и устроились мы совсем неплохо, но это положение сохранялось недолго.

13-го июня 1941 г. я поехал в Ригу по служебным делам на своей машине. Вечером на взморье, в доме родителей, мы с отцом выпили по поводу встречи, не подозревая, что это будет последняя встреча. На другое утро я поехал в Ригу, а когда к обеду вернулся, оказалось, что отца увезли, – это

* Вальдман Альфред (Alfrēds Artūrs Aleksandrs Valdmanis) (11.09.1908 – 11.08.1970) Родился в семье сельского учителя в селе Земупе (Либавская губерния). В 1931 г. окончил Юридический факультет Латвийского университета. В том же году начал работать в Министерстве финансов. С 1938 по 1939 гг. находился на посту министра финансов Латвийской Республики. В 1940 г. исполнял обязанности генерального директора Кегумской ГЭС. Арестован 30 сентября 1940 г. Во время нацистской оккупации исполнял обязанности генерального директора Управления юстиции самоуправления Остланд. В 1945 году эмигрировал в Германию, затем в Канаду. В 1950 году был назначен директором Управления по экономическому развитию Ньюфаундленда. В 1954 году был арестован и приговорён к 4 годам тюремного заключения за мошенничество. Освобождён досрочно в 1956 году. https://lv.wikipedia.org/wiki/Alfrēds_Valdmanis

была знаменитая высылка 14 июня 1941 г., жертвой которой оказались десятки тысяч мирных и вполне лояльных латвийских граждан. Немногим из них удалось вернуться обратно...

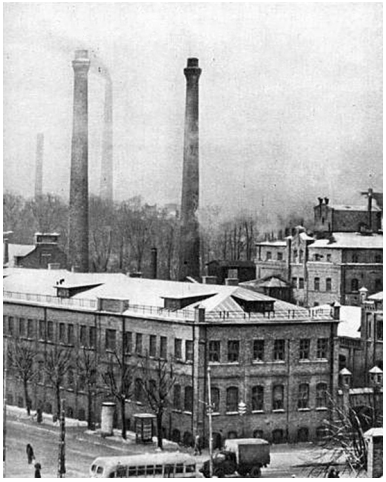
Я сразу вернулся в Ригу, пошел к жившей в том же доме (ул. Гану 6) прокурору общего отдела Республиканской прокуратуры (кажется, Токаревой) и поинтересовался – чем может быть вызван вывоз моего отца. То ли она действительно не знала обстоятельств дела, то ли не хотела говорить правду, но сказала только, что дело будет несомненно разобрано, и отец, в случае невиновности, в которой она не сомневалась, будет освобождён. С такими неутешительными сведениями я возвратился в Екабпилс.

А через неделю началась война. Екабпилс был одним из первых объектов немецкого наступления, и, кажется, уже через 3-4 дня немцы пришли к нам. Эти первые дни войны проходили в большом смятении и путанице. Мою машину мобилизовали уже в первый день, причём я даже не успел получить квитанции на неё, благодаря чему впоследствии не смог получить даже денежной компенсации, которая полагалась. Наш районный прокурор уверял меня, что основательная оборона и остановка фронта произойдёт по линии Даугавы, и уехал со всеми делами (и моей пишущей машинкой) в г. Крустпилс – на другом берегу, пообещав приехать за мной и моей семьёй, как только найдёт в Крустпилсе подходящее помещение. События между тем развивались бурно и стремительно. В прокуратуру звонили, сообщая о нападениях «партизан» на советских работников в районе, убийствах и т.п. Я не имел возможности выехать на место происшествия, и вообще без прокурора не знал, что мне делать. Я позвонил в прокуратуру республики в Ригу. У телефона был заместитель прокурора республики Белов. От Риги фронт был ещё далеко, положение вещей в нашем районе они не знали, и Белов велел мне оставаться на месте и ждать дальнейших указаний от своего прокурора. На всякий случай мы перебрались из помещения прокуратуры в комнатку на окраине в домике нашей секретарши, и, как оказалось, не напрасно: чуть ли не на следующий день пришли немцы, помещение прокуратуры было разгромлено, и если бы мы там оставались, трудно сказать, чем бы это всё закончилось, так как ненависть к советским работникам была большая. Город вообще был подвергнут разграблению, магазины были взломаны, и даже я, грешный, взял из одного магазина бутылку ликера и папиросы.

Некоторое время спустя была взята и Рига, и тогда к нам приехал брат Раи, железнодорожник, который помог нам отправить багажом некоторые вещи и переехать самим в Ригу. На этом екабпилсский период моей жизни, а, как оказалось, и моей юридической карьеры закончился.

На фабрике

В Риге я, естественно, остался без дела. Я, правда, пытался обратиться в новообразованные судебные органы, где уже собрались многие из уцелевших от высылки старых судебных работников, но там на меня, как бывшего советского следователя, посмотрели весьма косо и подозрительно, так что я решил напрасно не мозолить им глаза и вынужден был искать другую работу. Недалеко от нашей квартиры находился Рижский ликеро-дрожжевой завод (бывшая знаменитая фирма Вольфшмидта), на который требовались рабочие. Оказалось, что заведующим отделения солода и дрожжей был инженер Высоцкий, старый знакомый моих родителей ещё по Пскову, а заведующий лабораторией – инженер Синицын, муж сестры моего одноклассника и



Рижский дрожжевой завод. 50-е годы XX века (фото: riga1201.wordpress.com)

сослуживца по прокуратуре Н. Харитоновского. Здесь, кстати, несколько слов о судьбе последнего. Когда я был следователем 1 участка, он был следователем 11 участка. При советской власти, когда меня назначили следователем по особо важным делам, он стал следователем по важнейшим делам, а в прокуратуре республики, так же как и я, стал следователем по особо важным делам.

Ему было поручено следствие по делу о так называемых «беспорядках 17 июня». Это было дело о поведении рижской полиции при разгоне демонстрантов, вышедших приветствовать советские танки, прибывшие в Ригу для установления советской власти. По этому делу многие, не успевшие скрыться полицейские были арестованы, высланы, а некоторые и расстреляны. Когда пришли немцы, родственники арестованных полицейских обратили свой праведный гнев на Харитоновского, и он был арестован. Несмотря на то, что его жена была немка (урождённая баронесса фон дер Пален) и имела знакомых, чуть ли не родственников, в Гестапо, ей не удалось добиться освобождения мужа. Он был заключен в известный Саласпилсский лагерь и там погиб.

Когда я впервые пришёл на фабрику, впечатление было довольно жуткое. В бытность свидетелем мне приходилось бывать на разных фабриках и заводах, но одно дело – пройти из любопытства по разным цехам, а другое – включиться самому во всю эту тяжёлую и грязную работу. Воздух там был насыщен парами и углекислым газом, как в бане, всюду лилась вода, стоял несмолкаемый шум от работы моторов, особенно сепараторов. В этой атмосфере мне предстояло трудиться за 18 пфеннигов в час. Первой моей работой было мытьё громадных бродильных чанов или ящиков, как мы их называли. Множество медных труб разного диаметра, находившихся в этих ящиках, нужно было чистить содой и суперфосфатом, от которых разъедало руки, а затем промывать и продувать паром. Спецодежды не было, резиновые сапоги, полагавшиеся на этой работе, мне не подходили по размеру, и приходилось работать в своих ботинках да калошах. Конечно, и ноги и вся одежда промокали насквозь, и когда я возвращался домой (а дело было в конце года, уже зимой), всё замерзало на мне. Удивляюсь, как я не получил ревматизма или хотя бы основательной простуды. Это можно объяснить только тем, что на фабрике приходилось здорово выпивать. Пили мы и самодельное, замечательное по вкусу и крепости, пиво (из солодового экстракта, который производила наша фабрика), и спирт-сырец, в громадных количествах хранившийся у нас же, а когда случалось зайти в ликёрное отделение, то и ликёры различных сортов. Можно сказать, что за все 5 лет, что я проработал на фабрике, «трезвых» дней не наберётся и месяца.

Зарплата, конечно, не играла роли, так как норму пайка по карточкам можно было выкупить за весь месяц за недельную зарплату, а больше ничего за деньги нельзя было купить. Гораздо важнее было то, что нам разрешалось по казённой (очень не-

большой) цене получать в неделю по одной бутылке ликёра, а по праздникам и две. Так как алкогольные напитки жителям выдавались только по карточкам и в очень ограниченном количестве, ликёры эти пользовались большим спросом. Я, в частности, менял их на папиросы, которые также выдавали в ограниченном количестве. Но ещё важнее была возможность получать, вернее, стащить дрожжи. На них спрос был особенно большим – они шли главным образом в деревню на самогон, и котировались по цене масла или сала – килограмм за килограмм. Так как ежедневно удавалось стащить не один килограмм, а иногда и до 5, то доходы были весьма значительными. Конечно, это дело не поощрялось администрацией, на выходе была проходная, где полагалось обыскивать рабочих, но так как сами сторожа нуждались в дрожжах, а без нас они их достать не могли, то мы выносили дрожжи беспрепятственно. Когда этот промысел достиг значительных размеров, был поставлен особый, «неподкупный», сторож, и выносить дрожжи приходилось в мешочке за поясом (на голом теле) или даже в специальных мешочках под коленями. Но, в общем, дело процветало и жить можно было бы неплохо, если бы не общая бедность в смысле продуктов.

С приходом немцев в Латвии было организовано так называемое «самоуправление»: под верховным руководством немецкого областного комиссара были созданы отдельные «дирекции»: внутренних дел, юстиции, образования и т.д.* Генеральным директором юстиции был назначен тот самый Вальдманис, которого я в своё время привлекал к ответственности по делу Коммерческого банка. Каким образом ему удалось освободиться из тюрьмы и каким образом он узнал о моём существовании, я не знаю, но однажды он вызвал меня к себе. Хотя ничего доброго от этой затеи я не мог ожидать, однако пришлось идти. Кабинет Вальдмана находился в той самой комнате, которую я занимал в своё время как следователь по особо важным делам и в которой я арестовал этого Вальдмана. Ирония судьбы! Перед элегантно одетым генеральным директором сидел я, в мокрой и грязной одежде – я пришёл прямо с работы. Но, вопреки ожиданиям, беседа прошла в «дружественной обстановке». Вальдман весьма сожалел, что мне приходится работать в таких тяжёлых условиях и предложил мне вновь устроиться на какую-нибудь судебную должность. Однако я от этого отказался: не очень надёжным мне казалось положение немцев, да и я опасался более пристального внимания со стороны соответствующих органов гестапо – передо мною была судьба Харитоновского. Так мы и расстались с Вальдманом, очевидно, навсегда.

К работе на фабрике я постепенно привык. Упомянутые инженеры Высоцкий и Синицын приняли во мне участие, дали мне соответствующую литературу по дрожжевому делу, и так я изучил в совершенстве (теоретически и практически) всё производство. Так я стал бродильным мастером, а затем и сменным мастером, где работать было совсем не трудно и сравнительно чисто. Особенно я любил ночные смены, когда на фабрике не было начальства, работало всего 6-8 человек, и можно было и пить, и спать беспрепятственно. Снова я мог сказать, что лучшего не желаю, лишь бы не стало хуже, – а именно это и случилось.

В ходе войны наступил перелом, началось великое отступление немцев. Была объявлена «тотальная» мобилизация, многие из моих товарищей по работе были призваны в немецкую армию, а мне выда-

* Остланд (Ostlande) Структура самоуправлений нацистской Германии на оккупированных территориях стран Балтии и части Белоруссии с административным центром в Риге в 1941-44 гг. https://en.wikipedia.org/wiki/Reichskommissariat_Ostland

ли «бронь», как незаменимому работнику пищевой промышленности.

Это вполне соответствовало действительности, так как я остался едва ли не единственным дрожжевым мастером, а работа продолжалась полным ходом, в три смены. В это самое время, незадолго до освобождения Риги, родилась моя дочь Светлана. Крестины её мы ещё отпраздновали довольно широко. Директор фабрики дал нам известную по всей прежней Риге фабричную лошадь с эффектным «старорежимным» кучером для поездки в церковь, выдали и соответсвующее количество спиртных напитков, только с закуской было слабее, так как насчёт продуктов было вообще трудновато.

Но вот настали и последние дни оккупации. На фабрике работы почти прекратились, многих рабочих угнали на строительство окопов и укреплений под Ригой, некоторые поспешили скрыться. Началось бегство в Германию и отчасти принудительный вывоз работоспособного населения. Из окон фабрики была хорошо видна Товарная станция, откуда уходили эшелоны, в которых вывозили людей и оборудование. Нам стали выдавать водку и ликёры уже ежедневно, так как надо было ликвидировать запасы. У меня скопилось порядочное количество разных напитков, и в один прекрасный день я сбежал с этими запасами на взморье. Семья уже раньше переехала туда. В последние дни были аннулированы все «брони» и всем людям призывного возраста приказано было явиться по мобилизации на призывные пункты. Жандармы всюду проверяли документы, и мне даже на взморье пришлось прятаться в боковую кладовку на верхнем этаже, а дверь заставляли Светланиной колыбелькой. Когда начался обстрел взморья и немцы уже удирали, мы скрылись в погребе. Дом в нескольких местах был прострелен осколками, пострадал и сарай.

Наконец 15 сентября 1944 г. русские пришли и на взморье. Общим приказом после освобождения Риги было предписано всем служащим и рабочим вернуться на свои места работы. Пришлось и мне возвратиться в Ригу. Железная дорога и мосты были взорваны, и путешествие пришлось совершать пешком, впоследствии я не раз пользовался этим средством передвижения. На фабрике передо мной предстала картина полного разгрома: были сожжены громадные цистерны со спиртом и всё ликёрное отделение. Ни электричества, ни воды, конечно, не было. Мы начали собирать все демонтированное и не вывезенное оборудование, а также восстанавливать много лет не работающую заводскую электростанцию. Было голодно – снабжение практически отсутствовало, стёкла в окнах нашей квартиры были выбиты взрывами, не работал водопровод и центральное отопление. По субботам я уходил на взморье, где получал кое-какие продукты: у мамы в доме жили ученики из Булдурского техникума, которые платили продуктами, и таким образом мы не голодали в полном смысле этого слова, но и сыты бывали редко.

Вскоре в Ригу возвратилась и прокуратура республики. Я, естественно, обратился туда и встретил там некоторых бывших довоенных работников. Когда я заявил, что являюсь следователем Екабпилсского района, начальство ко мне отнеслось весьма подозрительно: почему, мол, меня, советского следователя, немцы не расстреляли, и тонко намекнули, что эту оплошность немцев они могут исправить. Конечно, мне больше не захотелось туда обращаться.

Вернулся в Ригу и мой бывший начальник Липин, о котором я уже упоминал. На этот раз он был в форме полковника и исполнял обязанности прокурора рижского гарнизона. Пришёл он и к нам домой узнать о судьбе прокурора Токаревой, которая до войны жила в этом же доме,

в квартире напротив. Эта встреча с Липиным имела громадное значение в моей дальнейшей судьбе.

Электростанцию на фабрике кое-как восстановили, получили и воду (городскую), и понемногу стали налаживать производство дрожжей, конечно, в самых малых размерах. Я снова был мастером и снова получил «бронь», т.е. освобождение от мобилизации, но вскоре пришла новая беда: на фабрике кончилось топливо и производство пришлось остановить. Для получения топлива нужно было самим ехать на лесозаготовки. Составилась ударная группа человек в 20-30, и мы поехали в Гулбене, где нам отвели лесную делянку и где следовало заготовить около 10000 кубометров дров. Мы жили в пустом хуторском домике, устроили себе нары, на которых и спали вповалку. Лес находился от нас далеко – километров 6-7, и каждый день проходили этим путём, утром и вечером. Это было в январе-феврале месяцах, зима была снежная, но не холодная. В результате ходьбы и работы ноги промокали очень основательно, и за ночь мы едва успевали просушить обувь. В общем, работа была не легкая и кормили нас не слишком сытно. А если к этому прибавить то обстоятельство, что дома у меня осталась Рая с малюткой Светланой (в тяжёлых условиях, без воды, без света и отопления), то настроение было самое подавленное.

Однажды к нам в лес приехал секретарь нашей фабрики, чтобы взять и отвезти в Ригу наши «брони», срок действия которых подходил к концу и их было необходимо продлить. Вскоре после этого я получил телеграмму с фабрики – меня вызывали в Ригу для восстановления фабрики. Оказалось, что Рая, страдая вдобавок ко всему язвой желудка, получила справку от врача, что ей необходима операция, с этой справкой она обратилась к директору фабрики, а он освободил меня от лесных работ и вернул в Ригу. В то время (ещё продолжалась война) поезда ходили нерегулярно и билеты на них выдавались только по разрешению милиции. Я обратился в милицию, предъявляя свой паспорт и телеграфный вызов. В милиции какой-то военный (я тогда слабо ориентировался в формах и знаках различия) прежде всего заинтересовался, почему я не мобилизован. Я сослался на свою бронь, но ведь у меня с собой её не было! Оказалось, этот военный специально прибыл с целью «отлова» всех уклоняющихся от мобилизации и меня тут же задержали, а вместе со мной и ещё несколько «дезертиров». Несколько дней нас продержали в милиции под стражей. Дело получалось совсем неприятное: ведь никто не знал, куда я делся, выйдя из леса. На счастье, в милицию зашла, тоже за разрешением на билет, одна работница нашей фабрики. Она также находилась на лесных работах и была вызвана в Ригу, на фабрику. Я поручил ей сообщить моим домашним о моём положении. Через некоторое время меня со всеми «дезертирами» отправили по этапу в Ригу. Ехали мы в пустом товарном вагоне до станции Чекуркалнс, где нас выгрузили и оставили на ночь, а утром повели под конвоем через весь город на пересыльный пункт в Цитадели. Здесь уже собрались несколько сотен «новобранцев».

Продолжение было ужасное. Не говоря о том, что нас держали впроголодь, мне совсем не улыбалась перспектива идти на войну: в жизни своей я не держал оружия в руках, по близорукости всегда считался нестроевым, а тут в самый разгар военных действий предстояло идти воевать. К этому еще прибавлялась постоянная забота о семье, о том, знают ли они, где меня искать. Оставалась одна надежда – на Бога.

В этом месте повествования мне снова недостаёт писательского таланта для выражения всех своих сложных чувств и мыслей. Я никогда не был убеждённым неве-

Православная церковь Петра и Павла (ныне концертный зал Ave Sol) в Риге. (Фото: citariga.lv)

рующим, но никогда и не задумывался над этими вопросами, никогда не молился. А тут, в критический момент моей жизни, вспомнил о Боге. Прямо напротив окон нашей камеры находился бывший Петропавловский собор* (некогда кафедральный собор Рижских архиереев, теперь, конечно, давно закрытый). И вот, обращаясь к этому собору, я стал молиться.

Я вспоминал отрывки молитв, сохранившихся с детства (в школе нам в своё время преподавали Закон Божий), а больше, конечно, молился своими словами или мыслями. И тогда я впервые ощутил, что я не одинок в своих тяжёлых переживаниях и обстоятельствах, что со мною всегда Бог, к которому всегда можно обратиться за помощью. Это дало мне большую нравственную поддержку и некоторое спокойствие. Дальнейшие события совершенно наглядно подтвердили это убеждение, и с тех пор моя вера стала уже непоколебимой. Многие события и переживания в дальнейшей моей жизни только укрепляли эту веру.

Через несколько дней нас выстроили во дворе и должны были отправить на фронт под Елгавой, где шли тогда тяжёлые бои**.

В самый последний момент вышел главный делопроизводитель пересыльного пункта и спросил, кто владеет русским языком. Перед строем выступило несколько человек, в том числе и я. Он внимательно рассмотрел нас, и хотя мой вид был весьма непрезентабельным (давно небритая борода, одежда в лохмотьях и т.д.), но, очевидно, по очкам определил, что я интеллигентней других и вызвал меня. Спросил об образовании, дал для пробы написать несколько слов по-русски и объявил, что я остаюсь при пересыльном пункте для составления списков призванных и других писарских работ. Остальной компании было скомандовано «на-право», и под звуки гармошки они отправились на войну. Это было первое чудесное избавление от весьма сомнительной участи.

* Православная церковь Св. апостолов Петра и Павла. Воздвигнута в 1728 г. на месте шведской гарнизонной кирхи. В 1785 г. на месте церкви был возведён новый храм по проекту Зигмунда Зеге фон Лауренберга. Первоначально церковь предназначалась для окормления духовных нужд гарнизона Цитадели, но вскоре храм стал главной православной церковью города, вплоть 1884-го г., когда был возведён Кафедральный Христорождественский собор. С советских времен и по сей день в здании храма работает концертный зал Ave Sol. http://www.russkije.lv/ru/lib/read/church-st-apostles-peter-paul.html

** Елгава была взята 31 июля 1944 г., воспоминания же затрагивают события ранней весны 1945 г. Очевидно, речь идёт о боевых действиях в «Курземском котле» на линии Тукумс – Лиепая. Вплоть до капитуляции Германии там велись ожесточённые бои с целью ликвидации «котла», но продвинуть линию фронта удалось лишь на несколько километров вглубь. Крупные боевые действия прекратились только после 23 мая 1945 года, спустя несколько недель после капитуляции Берлина.

Несколько дней, с раннего утра и до поздней ночи, я работал писарем: составлял нескончаемые списки призываемых и распределяемых по различным частям. В один прекрасный день я вышел из канцелярии покурить и вдруг увидел Раю, в слезах выходящую из комнаты начальника... Совершенно случайно я увидел её и узнал, что ей сообщили с фабрики о моём задержании, она пошла меня разыскивать, и начальник сообщил ей, что я призван и отправлен на фронт. Действительно, я значился в списках той группы, из которой меня так неожиданно взяли. Теперь поднялся вопрос – как вызволить меня из того неприятного положения, ведь я, в сущности, имел полное право на освобождение от мобилизации, вся беда была в том, что у меня не было на руках «брони». Тогда я и вспомнил про Липина (военного прокурора), и Рая сразу же пошла к нему. Опять-таки по случайной удаче встретила его и рассказала про моё положение. Он сразу же позвонил моему начальнику и велел послать меня к нему. За мной пришли два конвойных солдата и, с автоматами наперевес, повели меня к военному прокурору. Липин встретил меня весьма любезно, угостил хорошими папиросами, которых я уже давно не видал, освободил, конечно, меня, а так как мой паспорт находился на пересылочном пункте или даже был послан в ту воинскую часть, куда я уже был зачислен, то Липин выдал мне справку о том, что я имею право проживать без документов, которые находятся в военной прокуратуре, до окончания следствия по моему делу.

Я вернулся на фабрику. Скоро пустили в ход два маленьких отделения нашей фабрики – одно на ул. Ленина*, за ВЕФом, а другое – в конце ул. Красноармейской**.

* Ныне ул. Бривибас (Brīvības iela).

** Ныне ул Бруниниеку (Bruņinieku iela).

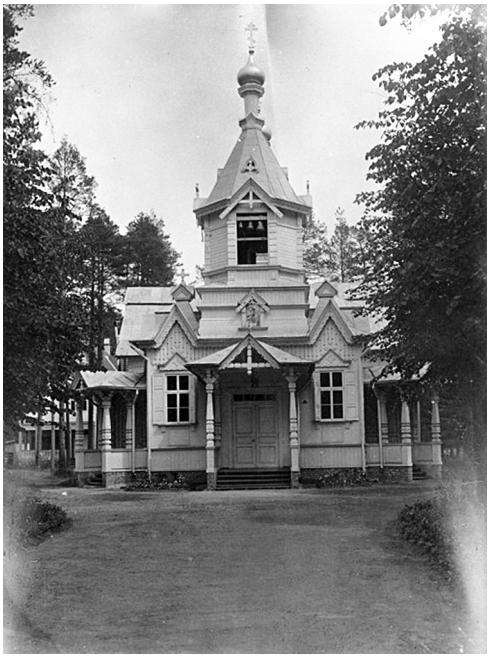
Я перешёл на первое из них. Всё более или менее вошло в свою колею: так же мы тащили дрожжи, продолжали и выпивать, правда, меньше, чем прежде.

Ещё одна деталь: меня от фабрики назначили народным заседателем в Народный суд Сталинского района. Там судьёй была сестра первого секретаря ЦК Латвии Калнберзинь. Это была симпатичная женщина, она не имела юридического образования и была весьма рада моим советам по разбиравшимся делам. Это знакомство мне очень пригодилось в скором времени, когда надо было получать наследство после моего отца, который умер в ссылке на следующий же год после его вывоза, как передавали, от голода. У нас не было документа о его смерти, так как маме сообщили об этом только устно, под расписку. Пришлось добиваться сначала признания его безвестно отсутствующим, а затем уже умершим. Это, с точки зрения закона, весьма щекотливое дело удалось быстро и просто решить благодаря этой Калнберзинь.

На фабрике скоро появился новый директор – заядлый советский человек, который с самого начала стал косо на меня смотреть, подозрительно недоумевая, как я, юрист и бывший следователь по особо важным делам, продолжаю работать на фабрике. Дальше – больше, и когда однажды на фабрике испортилась значительная партия дрожжей (не по моей вине, а просто из-за недоставленной вовремя углекислоты для холодильника), он объявил меня чуть ли не вредителем, и мне пришлось уходить с фабрики, не ожидая увольнения с «волчьим паспортом.»

Конец гражданской работы. Священство

Наступил ещё один период моей жизни. Найти работу по специальности мне было невозможно, и мне пришлось, во-первых,



Храм Казанской иконы Божией Матери в Дзинтари (фото: sobori.ru)

переехать на постоянное место жительство на взморье, а во-вторых, искать здесь какую-нибудь работу. В Булдурском техникуме директором был тогда наш старый знакомый Р. Спарныньш, очень милый и отзывчивый человек. Он предложил мне на выбор две должности в техникуме: ночного сторожа или заведующего хозяйством. Оплачивались они примерно одинаково, не слишком богато, но в техникуме было то преимущество, что служащим выдавали молоко и овощи, а также предоставляли значительный участок земли для индивидуального огородика. Была поздняя осень, ночи тёмные и холодные, как водится после войны, всюду происходили кражи, даже с применением оружия, и работа ночного сторожа мне мало улыбалась – я предпочёл должность завхоза. Правда, и тут было нелегко. Техникум нуждался во многом, а достать что-либо было очень трудно. Приходилось бегать по разным учреждениям, требовать, выпрашивать, хитрить, а это всё было не по моему характеру. Хорошо было только то, что мне часто приходилось ездить в Майори и Дубулты, и я мог попутно посещать церковь в Дзинтари.*

Там я начал практиковаться в чтении, подробнее изучать порядок богослужения. Дело в том, что я уверовал полностью, пришёл к убеждению, что за всю чудесную помощь Божию я обязан отблагодарить Бога не только своими молитвами, но и служением Церкви. Это было тяжёлое для Церкви время: священников одного за другим ссылали, и недостаток кадров ощущался весьма остро. Короче говоря, я решил стать священником и, не обладая богословскими знаниями, заранее стал готовиться к этому служению.

Ввиду острого недостатка священников, разрешалось сдать только экзамен по сокращённой семинарской программе при Епархиальном Управлении, и можно было посвящаться. Занимался я с интересом и усердно, так что вскоре овладел всеми для начала нужными премудростями.

В техникуме я на следующий год, кроме завхоза, стал ещё и преподавателем бухгалтерии, а затем и русского языка, так что моя зарплата заметно повысилась. Всё шло более или менее хорошо, но тут нагрянула беда: директора Спарныня сняли как «бывшего», и на его место назначили нового – как полагается, советского и

* Церковь Казанской иконы Божией Матери в Дзинтари. Освящена 18-го июня 1894 г. в честь бракосочетания Великой Княжны Марии Александровны и принца Альфреда, герцога Эдинбургского. Храм сооружался трудами Рижского православного Петро-Павловского Братства на добровольные пожертвования дачников и для удовлетворения их религиозных нужд. В 1962 г. храм Казанской иконы Божией Матери был снесён. 28-го июля 2013 г., в Дзинтари была совершена закладка нового храма в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы. http://www.pareizticiba.lv/index.php?newid=5129

партийного, хоть и латыша. С ним у меня начались такие же отношения, как с дрожжевым директором: он смотрел на меня с недоверием, резко критиковал все наши недостатки, в которых мы не были повинны, превозносил все те блага и достижения, которые якобы имеются в советской России, а когда я спросил у него – чего же ради он ехал сюда, где всё так плохо – он рассердился окончательно. Очевидно, до него дошло и то, что я посещаю церковь, а это для учителя был, конечно, смертный грех. Одним словом, мне пришлось уйти, на этот раз уже навсегда, с гражданской службы, на которой я провёл в общей сложности более 17 лет.

Свято-Троицкий собор в Риге. Наши дни. (фото: citariga.lv)

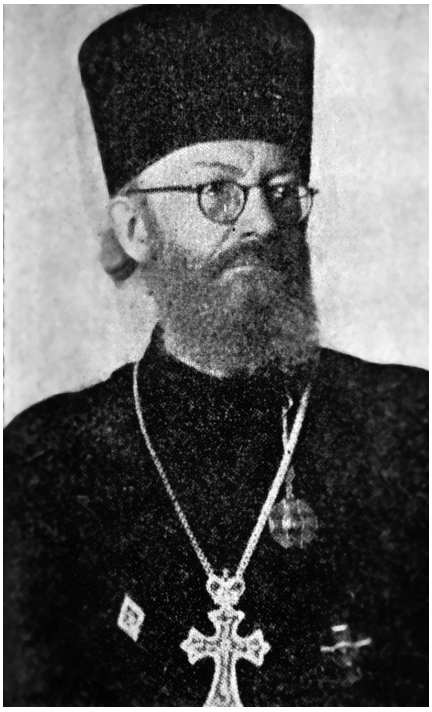
При Епархиальном Управлении я благополучно сдал все экзамены, даже по пению, в котором я как тогда, так и теперь мало смыслю. Рижской Епархией в то время управлял митрополит Виленский и Литовский Корнилий*, и надо было ждать его приезда в Ригу. 18 июля 1947 г., в день преподобного Сергия Радонежского, Корнилий посвятил меня во диакона. Это происходило в теперешнем Кафедральном Соборе**, а тогда – летнем монастырском храме.

Через три дня, в день празднования Казанской иконы Пресвятой Богородицы, в Дзинтарской Казанской церкви (ныне разрушенной), где моя мать была старостой, меня посвятили в священники.

Уже до посвящения я был предназначен на должность настоятеля вентспилсской Николаевской церкви, где положение было очень тяжелоё: постоянного священника там не было, а временные служители не отличались особой трезвостью и добрым

* Митропролит Корнилий (Константин Константинович Попов) (07.09.1874 – 27.10.1966) Родился в семье служащего. В 1894 г. окончил Вологодскую духовную семинарию, в 1896 г. рукоположён во священника. В 1906 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 2 сентября 1909 г. архиепископом Ярославским Тихоном (Беллавиным) пострижен в монашество. В 1912 г. возведён в сан архимандрита. В 1915 г. наначен епископом Рыбинским, в 1921 г. епископ Сумский, викарий Харьковской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1923 года возведён обновленцами в сан архиепископа. С 1924 г. по 1935 г. — обновленческий архиепископ Ярославский, Саратовский, митрополит Свердловский и Уральской области, митрополит Воронежский и всея Центральной Чернозёмной области. В 1935 г. арестован, приговорён к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Освобождён в 1940 г. В 1943 г., по принесении покаяния, принят в общение с Московской Патриархией в сане епископа и назначен епископом Сумским и Ахтырским. В 1945 г. архиепископ Виленский и Литовский. В 1945-1947 гг. управлял Рижской епархией. С ноября 1948 года архиепископ Горьковский и Арзамасский. В 1961 г. ушел на покой. http://www.russkije.lv/ru/lib/read/korniliy-popov.html?source=persons

** Речь идет о Свято-Троицком соборе, куда была перенесена кафедра митрополита после закрытия Рижского кафедрального Христорождественского собора в 1961 г.



О. Владимир Блазма. 60-е годы XX века (фото: ЖМП. 1978. № 5. С. 30)

поведением, в результате чего приход был «развален» и надо было его восстанавливать.

Подробнее о своем служении Церкви писать не буду. Это дело недавнее, проходило на глазах моих детей, да и выдающегося там ничего не было. Отмечу только моё поступление в Ленинградскую Духовную Академию и пребывание там.

Мне казалось недостаточно тех знаний, которые я приобрёл самоучкой, и мне хотелось иметь в своём распоряжении и весь тот арсенал духовных знаний (в частности, апологетики), которым вообще располагает наша Церковь. Для этой цели, по благословению митрополита Вениамина*, тогда управлявшего нашей Епархией, я поступил в 1948 г. как экстерн в Ленинградскую Духовную Академию. В качестве экстерна я был освобождён от посещения лекций, но должен был 2-3 раза в год приезжать в Ленинград на экзамены, чтобы не отставать от своего курса.

Не скажу, что учиться было легко: годы были уже не те, предварительная подготовка была сильно недостаточной, учебных пособий было мало, да и поездки в то время были довольно затруднительны. Но я преодолел все трудности, окончил Академию со званием кандидата богословия 1-го разряда почти на одних пятерках (одна четвёрка имеет случайный характер). Я получил всё то, чего искал, хотя в свете

* Митрополит Вениамин (Иван Афанасьевич Федченков) (02.09.1880 – 04.10.1961) Родился в семье крестьянина. В 1903 г. окончил Тамбовскую Духовную семинарию, а в 1907 г. Санкт-Петербургскую Духовную академию. В том же году пострижен в монашество. В 1911 г. назначен ректором Таврической Духовной семинарии и возведён в сан архимандрита. Принимал участие в Поместном соборе. В 1919 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. Был арестован ЧК в июне 1919 г., но вскоре освобождён. Вскоре после занятия белыми Крыма присоединился к Белому движению. Весной 1920 г. принял предложение П.Н. Врангеля возглавить военное духовенство ВСЮР. Эвакуировался вместе с частями отступающей Русской армии в ноябре 1920 г. Проживал в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а также в Чехословакии. В 1923 г. назначен викарием архиепископа Савватия в Карпатской Руси. В 1925 г. переехал в Париж, где исполнял обязанности инспектора в Свято-Сергиевском православном богословском институте. В 1927 г. епископ дал подписку о лояльности Московсому Патриархату. В 1932 г. был возведён в сан архиепископа и назначен экзархом РПЦ в Северной Америке. В 1938 возведён в сан митрополита. В 1945 г. участвовал в Поместном соборе РПЦ в Москве. 21 августа 1947 г. назначен митрополитом Рижским и Латвийским. В 1951 г. назначен митрополитом Ростовским и Новочеркасским. В 1954 г. назначен митрополитом Ростовским и Каменским. С 1955 г. митрополит Саратовский и Балашовский. В 1958 г. был уволен на покой с благословением пребывать в Псково-Печерском монастыре. http://ru.wikipedia.org/wiki/Вениамин_(Федченков)

своего теперешнего духовного опыта вижу, что этого было недостаточно. Основной недостаток заключался в сильно рационалистическом подходе к чисто духовным вопросам: Священное Писание толковалось и объяснялось с точки зрения материалистической возможности объяснить, например, чудеса, хотя при этом делалась большая натяжка.

Где же тогда сверхъестественность – необходимая составная часть потустороннего мира? В аскетике сообщались главным образом факты из жизни и учения некоторых столпов Церкви и веры, а практических выводов из их духовного опыта не делалось. По предмету аскетики я начал писать некоторые свои заметки, которые, надеюсь, будут небезынтересны для служителей и деятелей Церкви, если Господь даст мне время, силу и разумение систематизировать тот материал, который у меня накопился.

Церковь в честь святых апостолов Петра и Павла в г. Кемери (Фото: https://ru.wikipedia.org/wiki/Петропавловская_церковь_(Кемери))

Гомилетика тоже отставала от современных требований: подробно разбирались проповеди и беседы «классиков», а не давались конкретные указания и советы для составления проповедей, особенно в условиях и специфике нашего времени. Ведь даже Златоуст не подошёл бы для наших слушателей, зато появился ряд новых проблем, над которыми предстоит работать современному проповеднику. Именно применительно к современной аудитории я и пытался составлять свои проповеди, которых за 27 лет служения произнес немало. Опять-таки, если Господь даст, попытаюсь их обработать и напечатать в более-менее приемлемой форме, так как я никогда не писал полного текста проповедей, а делал только краткие заметки для памяти.

В Академии я застал ещё многих выдающихся преподавателей, воспитанников старых русских Академий. Среди них должен упомянуть ныне покойного профессора-протоиерея Осипова*, лучшего из проповедников, которых я когда-либо слышал. Жаль, что он так бесславно, даже позорно, окончил свою жизнь, отрекшись от религии. Учёным с европейским именем был

* Осипов Александр Александрович (10.11.1911 – 25.10.1967) – православный богослов, бывший протоиерей и профессор Ленинградской духовной академии, отлучённый от Церкви священнослужитель Русской православной церкви. Магистр богословия. С 1959 года – профессиональный пропагандист атеизма. Кандидат философских наук (с ноября 1966 года. Один из авторов многократно издававшейся в СССР «Настольной книги атеиста» http://ru.wikipedia.org/wiki/Осипов,_Александр_Александрович

О. Владимир Блазма (первый слева среди сидящих) с архиепископом Филаретом (Лебедевым) и группой священнослужителей у храма в Кемери. 60-е годы XX века. (Фото из коллекции Д.И. Трубецкого)

профессор Сагарда* (церковный историк) и ряд других талантливых людей. Навсегда храню о них добрую память.

В непрерывном (даже без отпусков) служении быстро прошли годы. Особенно напряжённым было служение в Кафедральном Соборе, где я пробыл более 11 лет, а наиболее трудным – последний, тоже 11-летний период в Кемери**, где церковь практически не отапливалась, а зимой приходилось служить при температуре значительно ниже нуля, когда замерзала не только вода, но и вино в чаше.

* Сагарда Александр Иванович (25.12.1883-09.05.1950) Родился в семье священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1909 г., кандидат богословия. В 1910-1918 гг. преподавал на Второй кафедре патристики Санкт-Петербургской духовной академии, читал лекции по истории Антиохийской богословской школы и древнецерковной сирийской литературы. Работал над переводами творений св. Иоанна Дамаскина. С 1920 по 1925 гг. работал в советских организациях (земельном и финансовых окружных отделах). По совместительству в 1923-1925 гг. преподавал историю и психологию на педагогических курсах. С 1930 г. референт Николаевского молочного завода, с 1936 г. – начальник планового отдела банно-прачечного комбината в Николаеве, с 1938 г. — начальник планового отдела Николаевского областного коммунального банка.После возобновления работы духовных учебных заведений получил возможность вернуться к педагогической деятельности. С 1947 г. – преподаватель Одесской духовной семинарии. С февраля 1948 г. — профессор Ленинградской духовной академии. Читал лекции по Священному Писанию Нового Завета и истории древней церкви. http://ru.wikipedia.org/wiki/Сагарда,_Александр_Иванович

** Церковь в честь святых апостолов Петра и Павла в Кемери. Освящена 4-го июля 1893 г. Высокопреосвященным Арсением во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Храм предназначался как церковь для отдыхающих в лечебном заведении Кемери. Церковь построена без единого гвоздя и напоминает старинные деревянные храмы русского Севера. Храм сильно пострадал во время Первой мировой войны, но был восстановлен.

Может быть, именно здесь я окончательно подорвал свое, вообще не крепкое здоровье, может быть, просто Господь решил положить конец моему недостойному служению, но в общем, после 27 лет службы, я был вынужден уйти на пенсию. Эти строки пишу уже человеком свободным от служения, но далеко не свободным от многих серьёзных и тяжёлых болезней. Пора готовиться к последнему часу!

На этом практически закончилась моя жизнь, богатая всякими событиями. Моим читателям останется только дописать «скончался тогда-то», и ещё одна человеческая жизнь канет в вечность.* Да будет милость Божия на мне, грешном! Молитесь за меня.

* В январе 1974 г. о. Владимир по болезни вышел за штат. Скончался о. Владимир в Великий Понедельник 4 апреля 1977 г. Отпевание 6 апреля, в Великую Среду, после литургии Преждеосвященных Даров, совершил архиепископ Рижский и Латвийский Леонид. Погребён о. Владимир на кладбище «Дубулты» в г. Юрмале. Некролог // ЖМП. 1978. № 5. С. 30

Публикация, предисловие и примечания Андрея Гусаченко.

Summary

Vladimir Blazma was born in 1910 in the town of Lokhvica (province of Poltava), located in the Eastern part of Ukraine. His family was Latvian colonists, who moved to the region of Poltava in the last decade of 19th century. After Latvia gained independence in 1918, his family returned to the motherland in 1922. Vladimir's father was a lawyer, and son chose the same profession as well: after the graduation of the University of Latvia in 1931 he worked as forensic investigator.

During the first Soviet occupation period of Latvia in 1940-1941 large political repressions took place. It didn't affect Vladimir personally, but his father has been arrested and deported to Siberia, where he died soon. V. Blazma carried out the same duties of forensic investigator also during the first Soviet occupation period.

Realizing the instability and potential threats of his forensic investigator position, he decided to quit all affairs linked to his profession. During the Nazi occupation in 1941-1944 V. Blazma worked as a supervisor at Riga's yeast factory, and worked there after the war as well.

At the end of the World War II, Vladimir Blazma experienced strong emotional stress, by coincidence of different obstacles he was not sent to the frontline in Kurzeme (Kurland) where bloody battles took place. This event was the turning point of his entire life – V. Blazma turned to God, became the member of the orthodox parish in Dzintari, externally passed appropriate exams and has been ordained as a priest in 1947.

The memories of father Vladimir are not "traditional" biography of the priest, usually describing the way of the priest service during his entire life. These memories mainly reflects his life before the priest service, covering the large timeframe starting from his childhood in Ukraine (including fragments of World War I, Russian Civil War and events took place afterwards), studies in the Republic of Latvia (description of the everyday life of forensic investigator's family, educational system and some aspects of the system of justice in Latvia), his experience as forensic investigator under the Soviet regime, life during the World War II and under the second Soviet occupation period as well.

Unfortunately, author doesn't share his memories describing the life of priest in 1960-1970's, but even these, published memories, are undoubtedly valuable material for studies of the history of Latvia during the periods of 1918-1940 and the World War II.

The publication, commentaries, introduction and the summary are provided by Andrejs Gusachenko (Latvia).

Reference list

1 Blazma Vladimir Feliksovich (Lohvica, Poltavskaja gub., 2 avgusta 1910 – 4 aprelja 1977), protoierej (Rizhskaja eparhija): Nekrolog // ZhMP. 1978. # 5. S. 30